This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HDI
HL 1RGB H

ELISTRATOV

КЪ ВОПРОСУ О ДОСТОВѢРОСТИ СВИДѢТЕЛЬСКИХЪ ПОКАЗАНІИ

1903

STORAGE

RUS
994
ELI

HARVARD
LAW
LIBRARY

360

А. И. Елистратовъ и А. В. Завадскій,
приватъ-доценты Казанскаго университета.

КЪ ВОПРОСУ О ДОСТОВѢРНОСТИ СВИДѢТЕЛЬСКИХЪ ПОКАЗАНІЙ

(опыты А. Бинэ и В. Штерна).

Сообщеніе Юридическому Обществу при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ 30 марта 1903 года.

Storage
R:1S
994
ELI

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1903.

Печатано по опредѣленію Общаго Собранія Юридическаго Общества при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Кн. П. Ухтомскій.

APR 1 1932

Отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ» Юридическаго Общества.

I.

Всѣ факты мы познаемъ или путемъ личнаго нашего воспріятія, или изъ передачи намъ другими о ихъ чувственныхъ воспріятіяхъ. Вѣра наша въ показанія другихъ покоится на опытномъ, т. е. полученномъ путемъ индукціи сужденіи, что всѣ люди приблизительно одинаково воспринимаютъ и передаютъ свои воспріятія. Для того, чтобы повѣрить факту, сообщаемому намъ свидѣтелемъ, мы должны провѣрить, способенъ ли онъ былъ къ передаваемому имъ воспріятію, способенъ ли онъ точно его передать и, наконецъ, хочетъ ли онъ его правильно передать. Чтобы разрѣшить эти вопросы, мы каждый разъ должны исходить опять таки изъ ряда общихъ опытныхъ положеній, напримѣръ, всякій человѣкъ, обладающій такимъ то физическимъ недостаткомъ, не способенъ къ воспріятію извѣстнаго рода ощущеній, всякій говоритъ то, что считаетъ правдой, если только у него нѣтъ причинъ не говорить ея, такъ какъ говорить правду легче, чѣмъ выдумывать ложь и т. п. На первыхъ ступеняхъ государственности нѣтъ возможности предполагать, чтобы люди оказались уже способными къ такимъ сложнымъ логическимъ операціямъ, какъ историческій методъ доказыванія. И дѣйствительно, въ первоначальномъ процессѣ [1]) нѣтъ стадіи доказыванія малой посылки судейскаго современнаго силлогизма—фактовъ, которые потомъ подводятся подъ правовую норму, а доказательство направляется прямо на заключеніе силлогизма. Доказываютъ сра-

[1]) R. Schmidt. Lehrbuch d. d. Civilprozessrechts. L. 1898 § 7 S. 44.

зу, что лицо правонарушитель, что оно столько то должно уплатить и т. д. Приходятъ соприсяжники и подтверждаютъ, что противникъ повиненъ ихъ сторонѣ; спорящій— сторона подвергается суду Божьему и смотря по его результату выигрываетъ или проигрываетъ дѣло. Только съ значительнымъ экономическимъ развитіемъ и развитіемъ индивидуальности въ процессъ проникаетъ новая стадія и занимаетъ принадлежащее ей по праву центральное въ немъ мѣсто. Роль судьи рѣзко измѣнилась, еще недавно онъ только на глазахъ у всѣхъ объявлялъ отвѣтчика правымъ, когда видѣлъ, что тотъ брошенный въ воду начиналъ тонуть—злоупотребленіе здѣсь почти немыслимо,— а теперь онъ рѣшаетъ, былъ ли фактъ, говоря: вѣрю этому свидѣтелю, а этому не вѣрю. Понятно, что тяжущіеся ужаснулись при видѣ такой полной ихъ зависимости отъ усмотрѣнія судьи, и власть вкладываетъ дѣятельность судьи въ строгія рамки. Историческій пережитокъ и первоначальная трудность и для самого судьи его новаго положенія облегчали это закованіе всякаго шага судьи въ правовыя грани. Историческій же пережитокъ долго продолжаетъ новаго свидѣтеля, свидѣтеля факта, отожествлять со старымъ. соприсяжникомъ-послухомъ, и новый свидѣтель долго еще бьется, напримѣръ, у насъ, съ оружіемъ въ рукахъ за правоту своего воспріятія. Взглядъ на свидѣтеля, какъ на пособника стороны, и недовѣріе къ судьѣ характерно надолго для процесса. Свидѣтеля допрашиваютъ безъ сторонъ, прочитывая ему дословно артикулы утвержденій истца и вопросники отвѣтчика (ученыя работы того времени предусмотрительно рекомендуютъ судьямъ читать эти артикулы свидѣтелямъ не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они даны сторонами). Изолировавъ отъ сторонъ судей для провѣрки доказательствъ, средневѣковое право оградило зато сторонъ отъ судей, преподавъ имъ точныя правила, когда судья свидѣтелю долженъ вѣрить и когда нѣтъ. На почвѣ намековъ римскаго права, къ авторитету котораго первоначально бросился и самъ судья, не привыкшій еще къ сложной логической работѣ оцѣнки показаній, пышно развилась такъ называемая формальная теорія доказательствъ. Суть ея въ томъ, что опытное положеніе провѣрки доказательствъ облекается въ форму легальныхъ презумпцій, при чемъ не забывается, какъ и всегда, и классовый моментъ. Не дѣйствительно пока-

заніе, говорятъ средневѣковые компендіи Танкреда [2]) или знаменитое зерцало правъ Дуранда [3]), если свидѣтель себѣ противорѣчитъ, если объ одномъ показываетъ вѣрно, а о другомъ не вѣрно; не можетъ судья согласовать показаній двухъ свидѣтелей, то онъ долженъ больше вѣрить свободному, чѣмъ отпущеннику, старѣйшему, чѣмъ молодому, благородному, чѣмъ неблагородному, богатому, чѣмъ бѣдному, мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ, человѣку правдивому болѣе, чѣмъ лгуну и т. д. Для насъ времена формальной теоріи оцѣнки доказательствъ, какъ они ни недавни хронологически, кажутся ушедшими въ вѣчность. Мы не боимся вѣрить судьѣ: логически судья развитъ достаточно; въ свидѣтелѣ мы уже не видимъ непремѣннаго пособника той или другой стороны. Нашъ судья имѣетъ право свободно оцѣнивать доказательства. Свободно не значитъ здѣсь по усмотрѣнію, судья вѣритъ свидѣтелю не по своему доброму удовольствію, не потому что ему такъ хочется, а потому, что онъ логически вынужденъ ему вѣрить: судья производитъ постоянно указанныя нами въ первыхъ словахъ доклада операціи, гдѣ большими посылками являются опытныя положенія. Логически опытными, т. е. индуктивными общими положеніями, будутъ положенія крайне разной логической цѣнности, сюда подойдутъ грубыя житейскія обобщенія изъ недостаточно провѣренныхъ фактовъ, обобщенія приблизительныя по большинству случаевъ и т. д. Жизнь показываетъ, что люди справляются съ довольно сложными задачами, не зная и приблизительныхъ правилъ, крестьянинъ сумѣетъ узнать, какая именно летитъ птица, но не сумѣетъ указать, по какому признаку ея полета онъ опредѣлилъ ея названіе [4]). Затѣмъ наступаетъ пора приблизительныхъ житейскихъ обобщеній, и только затѣмъ уже научныхъ. Несомнѣнно, что въ судейской оцѣнкѣ доказательствъ до сихъ поръ играютъ преобладающую роль первыя двѣ категоріи. Винить судей не приходится, научная разработка не ихъ дѣло, ихъ дѣло быть знакомыми съ

---

[2]) Pilii, Tancredi, Gratiae libri de iudiciorum ordine. edid. Bergmann 1842. Tancred. P. 3. tit. 12.

[3]) Durandi Speculum iuris. Venetiis M. D. LXXXV lib. I partic. IV § postquam.

[4]) H. Gross. Das Wahrnehmungsproblem und der Zeuge im Strafprozess въ Goltdammers Archiv 1903 3-5 Heft S. 199.

ея выводами, но къ сожалѣнію до сихъ поръ этой разработки почти нѣтъ. Между тѣмъ изъ рядовъ уголовной школы, наиболѣе рѣзко отразившей на себѣ вліяніе болѣе точныхъ наукъ, выставляются за послѣднее время обвиненія въ технической неподготовленности современнаго судьи къ дѣлу оцѣнки доказательствъ. Первые удары нанесены въ этомъ направленіи житейской оцѣнкѣ дѣтскихъ показаній [5]). Дитя—голосъ невинности, трудно предполагать его стоящимъ на сторонѣ одного изъ противниковъ, поэтому, онъ надежный свидѣтель. Мнѣніе жестоко расшатанное, когда психіатры доказали ту легкость, съ какой дитя поддается самовнушенію и внушенію. Изслѣдована была научно опасность довѣрія показаніямъ больныхъ, напр. истеричныхъ. Несомнѣнно, что моментъ недовѣрія къ показанію свидѣтеля можетъ покоиться не въ одной только умышленной неправильной передачѣ воспринятаго, къ чему мы по исторической традиціи наклонны, но и въ психологическихъ особенностяхъ воспріятія и воспоминанія. Къ сожалѣнію до сихъ поръ научно эти вопросы почти не разработаны. Изъ юристовъ одинъ профессоръ Гроссъ [6]), создатель криминалистики, попытался собрать и научно обработать довольно большой запасъ наблюденій и далъ весьма цѣнный матеріалъ не только для практика юриста, для котораго онъ писалъ, но и для психолога. Онъ особенно выдвигаетъ самый моментъ воспріятія и обращаетъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что люди какъ общее правило передаютъ воспринятое по его только общему смыслу, такъ какъ они воспринимаютъ не факты, а картины, которыя они себѣ составили о воспринятомъ происшествіи, напримѣръ, воспринимается не самое бранное слово, а его смыслъ, поэтому свидѣтели при допросѣ передаютъ, одинъ—что слово было оселъ, другой—баранья голова, но они не скажутъ здѣсь, мошенникъ, такъ какъ порицался умъ [7]). Составленіе же этой картины будетъ зависѣть въ значительной мѣрѣ не отъ воспринятыхъ только фактовъ, а отчасти и отъ субъективныхъ моментовъ воспринимающаго: развитіе

---

[5]) Ferri. La justice pénale. Bruxelles 1898 p. 62.

[6]) H. Gross. Kriminalpsychologie, его же Handbuch für Untersuchungsrichter.

[7]) H. Gross. Das Wahrnehmungsproblem und der Zeuge im Strafprozess въ Goltdammers Archiv 1903. 3—5 Heft. S. 195.

умственное и спеціальное, характеръ, настроеніе,—все это окраситъ извѣстнымъ образомъ составленную имъ картинку. Помощи юристамъ слѣдуетъ ждать отъ психологовъ спеціалистовъ среди которыхъ, какъ извѣстно, теперь сильно развивается примѣненіе точныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій. За послѣдніе три года появились двѣ психологическія работы, которыя даютъ очень много по вопросу о свидѣтельскихъ показаніяхъ. Задача нашего сообщенія и сводится къ скромной передачѣ этихъ работъ. Хотя одна изъ нихъ уже переведена цѣликомъ въ Вѣстникѣ Права [8], но пониманіе ея сильно затрудняется отсутствіемъ тамъ картинъ, на которыхъ производились опыты. Обѣ работы являются первою попыткою теоретически и при томъ экспериментально разработать нѣкоторыя стороны ученія о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній и заслуживаютъ самаго широкаго распространенія не только, какъ первая попытка, но и въ виду крайне интересныхъ результатовъ, ею достигнутыхъ. Все это, думается, вполнѣ оправдываетъ наше желаніе остановить сегодня вниманіе общества на опытахъ Штерна и Бинэ. Въ докладѣ намъ придется говорить и о нашихъ опытахъ, мы считаемъ поэтому тутъ же долгомъ своимъ оговорить, что опыты эти преслѣдовали только педагогическія цѣли наглядно ознакомить нашихъ слушателей юристовъ IV к. съ опытами Штерна и Бинэ, а не ставились со строго опредѣленными научными цѣлями для провѣрки тѣхъ или иныхъ выводовъ указанныхъ ученыхъ; такимъ образомъ, наше дальнѣйшее изложеніе будетъ зиждиться почти исключительно на опытахъ и выводахъ самихъ Штерна и Бинэ.

II.

Хотя хронологически опыты Бинэ предшествовали экспериментальнымъ изслѣдованіямъ Вильяма Штерна, однако мы позволимъ себѣ, въ интересахъ систематическаго изложенія, остановиться сперва на опытахъ послѣдняго. Штернъ—приватъ-доцентъ философіи въ Бреславльскомъ университетѣ. О своихъ опытахъ онъ сдѣлалъ докладъ берлинскому психологическому обществу; этотъ докладъ опубликованъ въ Листовскомъ Zeitschrift'ѣ, Bd. XXII за 1902 г.

---

[8]) № 2 и 3 за 1902 г.

Задаваясь цѣлью провѣрить достовѣрность показаній о фактахъ нормальнаго, непредубѣжденнаго лица въ смыслѣ соотвѣтствія этихъ показаній объективной дѣйствительности, Штернъ устраивалъ для этой цѣли очную ставку между показаніями воспріятія и воспоминанія и самою дѣйствительностью. Для того, чтобы имѣть возможность устроить такую очную ставку, онъ обращался къ воспріятіямъ и воспоминаніямъ о фактахъ, которые настолько закрѣплены въ дѣйствительности, что могутъ быть вызваны, въ интересахъ свѣрки съ ними показаній, въ любой данный моментъ, по желанію изслѣдователя. Оперируя первоначально только съ одними зрительными воспріятіями, онъ предлагалъ лицамъ, надъ которыми производились опыты, картины, при томъ именно такія, какія иначе, какъ черезъ него, не могли попасться на глаза испытуемымъ. Для воспріятія зрительныхъ впечатлѣній соотвѣтствующая картина показывалась испытуемымъ въ теченіи $^3/_4$ минуты, строго по часамъ. При этомъ, до производства опыта испытуемымъ сообщалось, что они должны внимательно разсмотрѣть и послѣ того дать подробный отчетъ о содержаніи картины, которую сейчасъ получатъ,—и, сверхъ того, внушалось, что бы они ни съ остальными испытуемыми и ни съ кѣмъ другимъ не говорили о содержаніи картины послѣ. Тотчасъ же послѣ разсмотрѣнія предложенной картины, каждый испытуемый давалъ письменное показаніе о ея содержаніи. Такимъ образомъ, фиксировались результаты собственно воспріятія. Въ дальнѣйшее время, обыкновенно разъ въ недѣлю, отъ лицъ, давшихъ первоначальныя показанія, отбирались показанія повторныя, въ которыхъ испытуемыя лица фиксировали уже, такимъ образомъ, свои воспоминанія о картинѣ. Провѣрка первоначальныхъ и повторныхъ показаній съ дѣйствительнымъ содержаніемъ самой картины давала возможность экспериментатору болѣе или менѣе точно выяснить ошибки и воспріятія, и воспоминанія, и, такимъ образомъ, намѣтить путь опытнаго изслѣдованія вопросовъ о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній.

Мы, съ своей стороны, избрали изъ трехъ картинъ, которыми пользовался Штернъ, рисунокъ „Художникъ“ (или „Переѣздъ художника“) и, при посредствѣ этой картины, произвели опытъ въ такомъ же приблизительно порядкѣ, въ какомъ онъ былъ поставленъ Штерномъ. Картина показывалась также, какъ и Штерномъ, въ теченіи $^3/_4$ минуты. Но между тѣмъ

какъ Штернъ сообщаетъ результаты опытовъ надъ 30 лицами, намъ удалось провѣрить ихъ на первоначальныхъ показаніяхъ только 15 лицъ. И если, далѣе, Штернъ имѣлъ возможность получить о картинѣ „Художникъ“ отъ каждаго изъ этихъ 30 лицъ по 3 повторныхъ показанія—черезъ 5, 14 и 21 день послѣ разсмотрѣнія картины, да еще особыя присяжныя показанія, то въ нашемъ распоряженіи оказалось лишь 8 повторныхъ показаній чрезъ недѣлю, 3—чрезъ двѣ недѣли и еще 8—черезъ два мѣсяца. Кромѣ картинки „Художникъ“, докладчиками были произведены опыты съ лично ими выбранными картинками „Бильярдная игра“ и „Въ мастерской“.

Для того, чтобы дать первоначальное понятіе о характерѣ и предѣлахъ несоотвѣтствія показаній съ дѣйствительностью, мы позволимъ себѣ предварительно представить собранію сводку интересующихъ насъ уклоненій воспріятія и воспоминанія. При отсутствіи подобной общей сводки у Штерна мы пользуемся, при этомъ, всецѣло результатами одного только собственнаго эксперимента.

На картинѣ „Переѣздъ художника“ одинъ изъ испытуемыхъ усмотрѣлъ двухколесную телѣжку [9]), другой крытый экипажъ; иные видѣли на ней *коляску*.

Въ экипажѣ замѣчена одними *семья художника*, другими *дама или барышня*: она сидитъ, съ точки зрѣнія однихъ, *на облучкѣ*, съ точки зрѣнія другихъ, *въ креслѣ*. У нея въ правой рукѣ, по одному, лампа,—по другому, *клѣтка*, по третьему, *чучелы птицъ*. *Въ лѣвой — статуетка*. Одинъ усмотрѣлъ у дамы, вообще, *скульптурныя произведенія*. Другой видѣлъ у нея въ рукахъ *куклу*.

Нѣсколько впереди дамы усмотрѣна лампа.

Немного сзади дамы одинъ изъ испытуемыхъ видѣлъ *чертика*.

Въ экипажѣ замѣтили также горшокъ съ цвѣтами, клѣтку съ птицей, рѣшето, рамы для картинъ, статуетки, *карзинку*.

Позади телѣжки видѣли принадлежности художественной мастерской: *рамы*, картины,

---

[9]) Курсивомъ напечатаны ошибки воспріятія (уклоненія отъ истины въ первоначальныхъ показаніяхъ); въ разрядку—ошибки воспоминанія (уклоненія, проявившіяся лишь въ повторныхъ показаніяхъ).

чучела. Одинъ замѣтилъ въ задней части экипажа *кувшинъ на метелкѣ*. Другой—*клѣтку*. Есть сообщеніе, что здѣсь были еще *„ухваты, ящики и, кажется, кочерга“*. Видѣли тутъ также и половыя щетки. Одинъ изъ наблюдателей послѣдовательно показывалъ, что онъ замѣтилъ сзади экипажа, *кромѣ корзинки у барыни, „корзину и что то вродѣ корзины“*, потомъ „щетку и что то также вродѣ щетки“, и наконецъ „щетку и что то похожее на пюпитръ“.

Экипажъ запряженъ *осломъ* или осликомъ, какъ четыре раза показалъ одинъ испытуемый. По другимъ наблюденіямъ, онъ запряженъ лошадью или *„клячей“*. Видѣли птицу — одинъ *надъ головой лошади*, другой — на самой ея головѣ; также, вообще, *надъ лошадью, на лошади*, надъ коляской и, наконецъ, *на рукѣ у дамы*.

Сбоку у лошади одинъ изъ наблюдателей замѣтилъ клѣтку.

Съ точки зрѣнія одного *лошадью правитъ дама, сидящая въ экипажѣ*; по наблюденію другого, *лошадь ведетъ за узду* молодой человѣкъ, идущій впереди экипажа.

Этотъ молодой человѣкъ, идущій, по другимъ наблюденіямъ, рядомъ съ осликомъ или совсѣмъ сзади экипажа, носитъ *клинообразную бородку и пенсне. „Онъ, какъ видно, въ соломенной шляпѣ“*. У него *въ правой рукѣ*, по мнѣнію одного, *трость*, по мнѣнію другого, палка. Портфель онъ, какъ утверждается въ одномъ показаніи, несетъ въ лѣвой рукѣ и, какъ удостовѣряется въ предыдущемъ, придерживаетъ правою рукой. Замѣтили у него въ рукахъ: *скрипку*, щетку, *раму, портреты въ рамахъ, ящикъ для красокъ или ящикъ съ красками*, линейку угломъ или *линейку съ прямымъ угломъ*. Подъ мышкой —палитру и *папку*, на которой *въ бѣломъ кругѣ изображена голова*. За спиною его одинъ изъ испытуемыхъ видѣлъ пюпитръ.

Внизу картины видѣли подпись художника и *въ лѣвомъ ея углу дату*.

По заявленію одного изъ испытуемыхъ *картина изображена карандашемъ*.

Штернъ попытался выразить количество ошибокъ въ показаніяхъ цифрами. Онъ нашелъ въ отношеніи всѣхъ трехъ показанныхъ имъ картинъ только 6% безошибочныхъ пока-

заній, при чемъ въ частности среди показаній первоначальныхъ (по воспріятію)—въ той или другой степени ошибочныхъ показаній оказалось 84% и среди повторныхъ (по воспоминанію)—99%. Докладчики изъ числа полученныхъ ими показаній о картинѣ „Художникъ" могутъ отнести къ безошибочнымъ развѣ лишь 1—2 показанія по воспріятію, и ни одного показанія по воспоминанію, Разлагая цѣльныя показанія на отдѣльныя обозначенія, соотвѣтственно названіямъ отдѣльныхъ предметовъ, дѣйствій и положеній, Штернъ получилъ возможность опредѣлить % невѣрныхъ обозначеній въ отношеніи къ общему числу послѣднихъ въ отобранныхъ показаніяхъ. По его разсчету, въ каждомъ показаніи $8^1/_2$% всѣхъ обозначеній ошибочны,—при чемъ въ частности воспріятіе даетъ 5,8%, и воспоминаніе 10% ложныхъ обозначеній. Къ сожалѣнію *, Штернъ не опубликовалъ основныхъ таблицъ своихъ вычисленій, и потому докладчики были поставлены въ невозможность провѣрки тѣхъ частей его работы, которыя опираются на проценты обозначеній.

Такъ какъ въ опытахъ Штерна, въ качествѣ испытуемыхъ, участвовали и женщины (8 дамъ), то имѣется возможность сравнить характеръ и степень ошибочности показаній по полу: женщины забываютъ меньше, но больше искажаютъ. Изъ числа обозначеній, имѣющихся въ первоначальныхъ показаніяхъ, у мужчинъ въ повторныхъ показаніяхъ пропадаетъ 20%, у женщинъ только 13% обозначеній. За то, мужчины въ общемъ дѣлаютъ 7,8% ошибокъ, между тѣмъ какъ женщины 10,5%. Слѣдовательно, забывчивость женщинъ относится къ забывчивости мужчинъ, какъ 2 : 3, а недостовѣрность ихъ показаній, какъ 4 : 3 **.

Кромѣ обычныхъ повторныхъ показаній, Штернъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль послѣ воспріятія, продѣлалъ надъ 17 мужчинами и 6 дамами изъ испытуемыхъ особый опытъ съ присягою. Испытуемымъ было предложено, давъ письменное показаніе о картинѣ, подчеркнуть въ немъ все то, въ достовѣрности чего испытуемый субъективно могъ бы поклясться, если бы дѣло шло о судебномъ показаніи. Въ подчеркнутыхъ частяхъ показанія оказалось въ среднемъ 11% ошибочныхъ обозначеній, въ неподчеркнутыхъ—20% (въ цѣлыхъ показаніяхъ—13%). Такимъ образомъ, субъективная увѣрен-

ность улучшаетъ показаніе, но она отнюдь не избавляетъ его отъ ошибокъ.

Любопытны различія при присягѣ по полу. У женщинъ субъективная увѣренность проявляется гораздо шире, чѣмъ у мужчинъ: женщины подчеркиваютъ 85% обозначеній, мужчины только 71%. При этомъ, у женщинъ и въ подтвержденной, и въ неподтвержденной присягою частяхъ показанія число ошибокъ приблизительно равно. А такъ какъ женщины дѣлаютъ большій % ошибокъ, то оказывается, что данная подъ присягою часть показанія мужчины заключаетъ въ среднемъ 2,1%, а данная подъ присягою часть показанія женщины 4,8%, слѣдовательно, больше, чѣмъ вдвое, ложныхъ обозначеній.

Для того, чтобы ближайшимъ образомъ разобраться въ ошибкахъ показаній, Штернъ дѣлаетъ попытку ихъ классификаціи по объективнымъ логическимъ свойствамъ, дѣля ихъ на пропуски, прибавленія и измѣненія. При этомъ, онъ дѣлаетъ существенную оговорку, что пропуски, какихъ бы характерныхъ частей картины они ни касались, при его счетѣ ошибокъ не были совсѣмъ приняты во вниманіе.

Прибавленія часто смущаютъ своимъ полнымъ несоотвѣтствіемъ дѣйствительности: въ показаніяхъ, полученныхъ Штерномъ, особенно излюблена собака, какъ deus ex machina; она четыре раза прыгаетъ и лаетъ, большею частью въ видѣ пуделя, на картинѣ, изображающей художника. То обстоятельство, что жена художника держитъ вожжи и правитъ лошадью, повторяется въ показаніяхъ 8 разъ. По единичнымъ показаніямъ слѣдуетъ, что экипажъ находится сзади, везетъ коробки и стулья и проѣзжаетъ въ узкія ворота!

Что касается измѣненій дѣйствительности, то здѣсь болѣе всего поражаетъ настоящее превращеніе предметовъ изъ однихъ въ другіе: испытуемые Штерна въ группѣ неясныхъ предметовъ въ задней части воза усматриваютъ и ящики, и сундуки, и вторую софу, и доски кровати, матрацы и снова матрацы; три раза изъ чучелы птицы у нихъ получается попугай. А на другихъ картинахъ разъ мячъ превращается въ заходящее солнце, семья зайцевъ въ семью кошекъ (и это— въ первонач. показаніи!), и кошка въ голубя. Въ опытахъ у докладчиковъ—лошадь въ осла или осленка, и медвѣжья шкура на другой картинкѣ (мирной семейной сцены) въ ползающаго ребенка!

Далѣе, должны быть отмѣчены измѣненія въ количествѣ. Предметъ, встрѣтившійся одинъ разъ, обращается, особенно при воспоминаніи, въ нѣсколько: метла и горшокъ сзади воза обращаются въ метлы и щетки, и горшки; одинъ разъ даже лошадь—въ двѣ лошади. Наконецъ, очень многочисленны измѣненія въ самомъ расположеніи предметовъ: перемѣщаются взаимно вещи, находящіяся въ правой и въ лѣвой рукѣ художника и художницы. Клѣтка, по показаніямъ, собраннымъ Штерномъ, виситъ то справа, то слѣва, то наверху, то внизу, въ рукѣ жены (трижды), которая, кромѣ того, семь разъ держитъ въ рукѣ чучело птицы. Любопытны также среди ошибокъ расположенія соединенія предметовъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ, въ связное цѣлое, помѣщающееся въ одномъ мѣстѣ: по показаніямъ, полученнымъ Штерномъ, два раза метла съ корзиною и палка съ горшкомъ позади воза превращаются въ одну метлу съ корзиною и горшкомъ. Сюда же допустимо отнести, въ видѣ примѣра, и соединеніе въ одномъ изъ показаній, полученныхъ докладчиками, чучела птицы и клѣтки въ клѣтку съ птицею.

Помимо такой классификаціи ошибокъ, умѣстно разгруппировать ихъ также и какъ ошибки воспріятія, и собственно воспоминанія. Среди уклоненій, перечисленныхъ нами относительно картины „Художникъ“ по опытамъ надъ слушателями, ошибки воспріятіятія и воспоминанія различены шрифтомъ (см. прим. 9).

По поводу приведенныхъ опытовъ могутъ указать, какъ на условія, неблагопріятныя для полноты и точности воспріятія, на отсутствіе содѣйствія иныхъ впечатлѣній, кромѣ оптическихъ. Могутъ поставить также вопросъ, не вліяетъ ли на ошибочность воспріятія и отсутствіе движенія, имѣющаго мѣсто въ другихъ фактахъ дѣйствительности. Отдавая должную дань значенію этого момента, мы упомянемъ здѣсь объ опытѣ, произведеннымъ Fr. v. Liszt'омъ въ Берл. крим. семинарѣ въ концѣ 1901 г. Два лица по заранѣе точно условленному плану разыграли въ семинарѣ, неожиданно для прочихъ ея посѣтителей, сцену ссоры, при чемъ имѣло мѣсто поднятіе револьвера, нацѣлъ и спускъ курка. Посѣтители семинара, опрошенные о происшедшемъ, дали цѣлый рядъ сбивчивыхъ и даже въ существенныхъ пунктахъ ошибочныхъ показаній. Разработка этого опыта еще неопубликована ***). Для того, чтобы прибли-

зить опытъ къ условіямъ дѣйствительной жизни, возможно было бы воспользоваться не только методомъ Liszt'a, при которомъ едва ли возможна вполнѣ точная и всесторонняя свѣрка показаній съ объективною правдою, но и кинематографомъ, и фонографомъ. Другой неблагопріятный моментъ—отсутствіе заинтересованности испытуемыхъ къ точному и полному воспріятію и запоминанію едва ли является характернымъ для опыта, въ противоположность дѣйствительности.

Въ противовѣсъ неблагопріятному вліянію слѣдуетъ указать на исключительно выгодныя стороны опыта, съ точки зрѣнія условій правильнаго воспріятія. При опытномъ воспріятіи, въ виду предварительнаго указанія, что о показанномъ предметѣ придется дать отчетъ, достигается максимальное вниманіе. Испытуемымъ на время воспріятія обезпечивается неизмѣнное спокойствіе и извѣстная степень удобства, требующагося для подробнаго разсмотрѣнія предмета. Исключается вліяніе аффекта (этого, впрочемъ, не обезпечиваетъ опытъ Листа). Впечатлѣніе фиксируется немедленно послѣ воспріятія первоначальнымъ показаніемъ. Наконецъ, въ отношеніи воспоминанія—показанія отбираются въ сравнительно короткіе сроки. При всемъ томъ, испытуемые почти сплошь состоятъ изъ образованныхъ людей въ возрастѣ, весьма благопріятномъ для правильнаго воспріятія.

Передъ психологомъ и процессуалистомъ выдвигается серьезная задача выясненія причинъ случаевъ такого рѣзкаго несоотвѣтствія между показаніемъ и дѣйствительностью. Путемъ къ разрѣшенію этой задачи будетъ выясненіе вліянія отдѣльныхъ моментовъ, усиливающихъ или ослабляющихъ ошибочность воспріятія и воспоминанія.

Мы отмѣтимъ, прежде всего, значеніе объективныхъ условій, которыя затрудняютъ или облегчаютъ правильное воспріятіе. Умѣстно именно коснуться такихъ условій, какъ неясность или расплывчатость воспринимаемаго факта, и его сложность, равно какъ и продолжительность впечатлѣнія. Штернъ удостовѣряетъ, что впечатлѣніе реагируетъ особенно большимъ количествомъ ошибокъ именно на неясныя и расплывчатыя стороны картины, какими являются, напр., предметы у художника подъ мышкою правой руки (картины, принятыя за папки, за альбомъ, за ящикъ съ красками) или мебель позади софы. Сложность картины также не остается безъ вліянія на вос-

пріятіе. Въ первонач. показаніяхъ о труднѣйшей картинѣ „Художникъ“ было сдѣланно въ среднемъ 7,1% ошибокъ (къ числу отдѣльныхъ обозначеній),—о средней по сложности картинѣ „Зайцы“—5,8% и о легчайшей „Дѣдушка“—4,4%. Однако любопытно, что при повторныхъ показаніяхъ эта разница кажется изчезнувшей: здѣсь для всѣхъ картинъ, показанныхъ Штерномъ, среднее количество ошибокъ колеблется между 9 и 11%. Вліяніе скоротечности впечатлѣнія Штерномъ не выяснено: $^3/_4$ минуты было у него одинаковымъ промежуткомъ воспріятія для всѣхъ испытуемыхъ. Какъ показываетъ особый опытъ докладчиковъ надъ 4 лицами, при пятиминутномъ наблюденіи увеличивается число воспринимаемыхъ элементовъ и правильность воспріятія,—но ошибочность отнюдь не устраняется безусловно (напр., „закрытый журналъ опущенъ на колѣни“,—на картинѣ „Въ мастерской“, гдѣ на самомъ дѣлѣ на колѣняхъ у изображеннаго лица ничего не лежитъ).

Рядомъ съ объективными условіями, вліяющими на воспріятіе, умѣстно здѣсь отмѣтить внѣшнія причины, оказывающія вліяніе на достовѣрность воспоминанія: сюда должно отнести отдаленность воспоминанія отъ воспріятія во времени и повторяемость воспоминанія. По даннымъ Штерна, ошибочность воспоминанія, сравнительно съ воспріятіемъ, возрастаетъ чередъ 5 дней послѣ воспріятія до 1,5%, черезъ двѣ недѣли послѣ воспріятія до 4,3% и черезъ три недѣли до 6% обозначеній. Какъ видно изъ этихъ цифръ, искаженіе воспринятаго образа идетъ довольно равномѣрнымъ темпомъ, такъ что ошибочность увеличивается съ каждымъ днемъ приблизительно на $^1/_3$%. Далѣе, по даннымъ Штерна, повтореніе воспоминанія значительно фиксируетъ воспринятый образъ. Въ самомъ дѣлѣ, для картины „Дѣдушка“, о которой повторныя показанія отобраны однажды черезъ 3 недѣли по воспріятіи, имѣется 6% прироста ошибокъ; для картины „Зайцы“—при вторичномъ отобраніи показаній черезъ три недѣли констатировано только 5% прироста ошибокъ, сравнительно съ воспріятіемъ; и наконецъ, для картины „Художникъ“ при повтореніи въ третій разъ также черезъ 3 недѣли приростъ ошибокъ, сравнительно съ первоначальными показаніями, выразился лишь 2,6%! Такимъ образомъ, по Штерну, каждый промежуточный вызовъ воспоминанія необычайно укрѣпляетъ

его образъ. Къ сожалѣнію, эта сторона опытовъ Штерна осталась непровѣренною докладчиками.

Переходя къ объективнымъ причинамъ ошибочности воспріятія, слѣдуетъ указать, помимо условій плохой наблюдательности отдѣльныхъ лицъ вообще и недостаточной внимательности нѣкоторыхъ въ данномъ конкретномъ случаѣ,—на психологическій моментъ ожиданія или предвосхищенія образа. По обычной ассоціаціи идей, кто-нибудь управляетъ запряженною въ экипажъ лошадью,—и хотя испытуемый ничуть не воспринялъ соотвѣтствующаго дѣйствія, однако онъ увѣренно вкладываетъ возжи или въ руки художника, или его спутницы. На картинкѣ „Бильярдная игра", показанной докладчиками, испытуемыми были усмотрѣны лузы въ разномъ количествѣ, которыя обыкновенно имѣются на русскихъ бильярдахъ, а между тѣмъ бильярдъ заграничный—безъ лузъ,—и даже техническая подготовленность къ воспріятію соотвѣтствующихъ явленій нѣкоторыхъ изъ испытуемыхъ не предохранила отъ ошибки предвосхищенія [10]). Что касается, далѣе, субъективныхъ условій ошибочности воспоминанія, то изъ нихъ Штернъ придаетъ особенное значеніе наблюдающемуся въ психикѣ стремленію къ поясненію и усиленію впечатлѣній. Штернъ исходитъ изъ той мысли, что большинство людей и при томъ значительное въ области зрительныхъ впечатлѣній неспособны къ настоящей „визуализаціи", т. е. къ воспроизведенію формъ и красокъ, свѣта и тѣни полнаго образа воспоминанія; при воспоминаніи они руководствуются лишь болѣе или менѣе скудными суррогатами воспринятаго образа,—обрывками оптическихъ и иныхъ впечатлѣній, словами и абстрактными сужденіями. При сравненіи слѣдующихъ одно за другимъ описаній одной и той же картины поражаетъ взаимное сходство этихъ описаній по конструкціи фразъ, по бросающимся въ глаза выраженіямъ: очевидно, при повторныхъ показаніяхъ испытуемый въ извѣстной степени вспоминаетъ не содержаніе самаго воспріятія, но слова показанія, и связанныя съ ними обрывки зрительныхъ и иныхъ впечатлѣній. Въ этомъ отно-

---

[10]) Любопытно, что у одного изъ испытуемыхъ логическій характеръ его заключенія сказался въ самомъ отвѣтѣ: «видна одна угловая луза, такъ какъ бильярдъ виденъ только до середины, а съ другой стороны онъ закрытъ игрокомъ, наклонившимся надъ нимъ».

шеніи въ высшей степени любопытенъ примѣръ ошибки того испытуемаго Штерна, который при третьемъ повтореніи показанія удостовѣрилъ будто бы „возъ художника проѣзжаетъ въ узкія ворота“. Въ первомъ повтореніи исключительно для красоты фразы этимъ испытуемымъ было употреблено выраженіе: Maler zieht „zum Thore hinaus“—въ дальнѣйшемъ показаніи роковое слово заслонило и заполнило элементъ самаго воспріятія! Такое же значеніе, какъ и слова, при воспоминаніи имѣютъ и абстрактныя сужденія. Удерживается въ памяти сказуемое: человѣкъ, идущій впереди воза, что то несетъ въ рукахъ,—что именно, восполняется уже по обычной ассоціаціи идей. Если это художникъ, то въ его руки вставляется и кисть, и ящикъ съ красками, и альбомъ! Если это итальянецъ, какъ воспринялъ одинъ изъ испытуемыхъ докладчика, не знавшій названія картины, то его естественно снабжаютъ скрипкою, и за спину его помѣщаютъ пюпитръ! На ряду съ процессомъ поясненія впечатлѣній въ памяти замѣчается также и явленіе усиленія послѣднихъ. Вотъ, напр., послѣдовательный рядъ показаній одного и того же лица, по Штерну: За софой на возу можно замѣтить метлу, щетку и горшокъ; второе—сзади софы находятся метла, горшки и ведро; третье—за софой находятся нѣсколько горшковъ и щетокъ, поставленныхъ въ ведро; четвертое—за софой находится ведро, въ которомъ стоятъ щетки; и наконецъ, особое повтореніе подъ присягою: сзади софы стоитъ ведро, изъ котораго торчатъ нѣсколько длинныхъ щетокъ. Или изъ показаній другихъ испытуемыхъ: художникъ идетъ,—идетъ большими шагами,—идетъ поспѣшными шагами. На картинѣ „Зайцы“ усмотрѣно сперва—два дерева (на самомъ дѣлѣ ихъ—три), въ дальнѣйшихъ показаніяхъ того же лица—березовый лѣсокъ, и позже—лѣсъ. О художникѣ одна изъ испытуемыхъ Штерна въ повторномъ показаніи неожиданно заявляетъ „можетъ быть, на картинѣ есть еще и кучеръ“; въ слѣдующемъ повтореніи она дѣлаетъ эту ошибку уже безъ всякихъ „можетъ быть“. Этотъ моментъ вполнѣ подтвердился и въ опытахъ докладчиковъ: первоначальное показаніе—на телѣжкѣ лежатъ въ безпорядкѣ чучело птицы, картинныя рамы и нѣкот. др. вещи; второе показаніе—телѣжка кругомъ нагружена разными вещами—картины, рамы, статуетки, чучело и т. п.; третье—телѣжка въ безпорядкѣ нагружена разными принадлежностями

обстановки художника: чучела птицы, рамы для картинъ и пр. Такимъ образомъ, образъ воспоминанія растетъ и не уступаетъ, кажется, въ этомъ ростѣ молвѣ, которая, какъ знали еще древніе, „crescit eundo“.

Скажемъ еще особо нѣсколько словъ объ усиленіи впечатлѣнія окраскою предмета. По даннымъ Штерна, на художникѣ оказалась темно-коричневая шляпа, на возу—красная софа. По даннымъ докладчиковъ, на портретѣ Бинэ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, оказался коричневый, темно-коричневый и свѣтло-коричневый пиджакъ, какъ показали однѣ испытуемыя, и грязно-желтая желетка, какъ показала одна изъ нихъ.

Отдѣльно отъ указанныхъ объективныхъ и субъективныхъ причинъ мы отмѣтимъ вліяніе на ошибочность показаній внушенія, которое можетъ проявляться и объективной причиною ошибочности показанія, и причиною субъективною, когда оно дѣйствуетъ въ формѣ самовнушенія. Такъ какъ докладчики исходятъ, при этомъ, въ своемъ изложеніи изъ описанія опытовъ Бинэ, то они напередъ извиняются, если имъ придется нѣсколько повторяться въ своемъ изложеніи по существу выводовъ.

III.

Еще за годъ до Штерна извѣстный французскій ученый Бинэ, директоръ лабораторіи физіологической психологіи въ Сорбонѣ, подошелъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ со стороны зависимости содержанія отвѣта свидѣтеля отъ формы предлагаемаго вопроса. Бинэ не юристъ и не изучалъ свидѣтельскихъ показаній какъ особый вопросъ экспериментальной психологіи, а коснулся ихъ, разрабатывая другой спеціальный вопросъ, а именно вопросъ о внушаемости. Замѣтимъ тутъ же, что внушеніе путемъ гипноза и аналогичныхъ ему способовъ было имъ принципіально исключено изъ его работы. Для своихъ цѣлей онъ произвелъ длинный рядъ разнообразныхъ опытовъ преимущественно на ученикахъ городскихъ начальныхъ Парижскихъ школъ. Многіе изъ этихъ опытовъ, а также выводы Бинэ изъ нихъ, являются чрезвычайно цѣнными для юриста, изучающаго достовѣрность свидѣтельскихъ показаній. Мы не имѣемъ здѣсь, конечно, никакой возможности

передать достаточно подробно всѣ его опыты, давшіе въ результатѣ обширное, въ 391 стр., изслѣдованіе его La suggestibilité P. 1900 и ограничиваемся самымъ существеннымъ.

Первая часть опытовъ Бинэ состояла въ изученіи вліянія на лицо, получающее какое-либо воспріятіе, имѣющейся у этого лица руководящей идеи idée directrice. Эта идея при опытѣ воспринимается лицомъ безъ какого бы то ни было воздѣйствія на него самой личности экпериментатора, а появляется у него какъ логическій результатъ извѣстной совершаемой имъ работы. Дѣло идетъ здѣсь такимъ образомъ о самовнушеніи. Вотъ одинъ изъ наиболѣе доказательныхъ и блестящихъ по простотѣ и остроумію опытовъ Бинэ (chap. III). Онъ показываетъ мальчику по одной одну за другой черныя линіи на бѣломъ фонѣ. Линіи эти параллельны, но начинаются не на одинаковомъ разстояніи отъ края бумаги, на которой онѣ начерчены. Мальчикъ на разграфленномъ клѣточками листикѣ бумаги долженъ отмѣчать точную длину этихъ линій. Для облегченія мальчика и для большаго успѣха опыта за начало линій принимается лѣвый край листка бумаги и вся работа испытуемаго сводится къ постановкѣ точки, отмѣчающей длину показанной линіи. Линіи показываются въ такомъ порядкѣ, первая въ 12 мм., вторая въ 24, третья въ 36, четвертая въ 48 и пятая въ 60. Такимъ образомъ, вторая больше первой вдвое, третья втрое, пятая въ пять разъ. Увеличеніе линій достаточно велико и замѣчается всѣми. Такимъ образомъ у испытуемаго возникаетъ мысль, что ему показываютъ все большую и большую линіи, поэтому каждую новую онъ встрѣчаетъ съ невольнымъ ожиданіемъ найти въ ней большую, чѣмъ предыдущая. Между тѣмъ, начиная съ шестой, Бинэ начинаетъ показывать еще цѣлый рядъ линій до 31, но всѣ эти линіи совершенно равны пятой, т. е. всѣ они равны 6 см. Для того, чтобы правильно опредѣлить длину этихъ линій, ребенку приходилось перебороть ожиданіе видѣть линіи все увеличивающіяся и увеличивающіяся, и слѣдовательно надо было ждать многочисленныхъ ошибокъ въ опредѣленіи длины воспринимаемыхъ линій, начиная съ шестой. Результаты опытовъ надъ 42 учениками начальной школы въ возрастѣ отъ 7 до 14 лѣтъ превзошли ожиданія экспериментатора. Среди испытуемыхъ оказалось 8 лицъ, которыя упорно, какъ автоматы, всякую новую линію помѣчали, какъ бо́льшую преды-

дущей, 6 остановились въ увеличеніи линій не ранѣе, какъ на 20 линіи и только 11 спохватились ранѣе 10-ой. При этомъ, если испытуемый прерывалъ увеличеніе линій и отмѣчалъ наконецъ какую нибудь линію болѣе правильно не какъ большую предыдущей, а какъ меньшую, иногда близко подходя къ настоящей ея величинѣ, то это не значило еще, что онъ освобождался отъ руководящей идеи: иногда немедленно и во всякомъ случаѣ у большинства послѣ поправки опять начиналось увеличеніе линій. Всего одинъ ученикъ не могъ быть положительно признанъ за поддающагося внушенію. Его коэффиціентъ внушаемости равенъ всего 109, а 100 показывало бы полное ея отсутствіе. Подъ коэффиціентомъ внушаемости Бинэ понимаетъ такую цифру, которой равна была бы самая длинная изъ всѣхъ линій, помѣченныхъ ученикомъ, если длину пятой его мы приравняемъ ста. Такой переводъ необходимъ въ виду того, что какъ и слѣдовало ожидать, ученики далеко не одинаково точно передаютъ дѣйствительную величину показываемыхъ имъ линій. Если первую линію болѣе, чѣмъ половина учениковъ передаетъ правильно, то пятая передается крайне разнообразно и при этомъ всѣми, кромѣ двухъ, значительно ниже дѣйствительной ея длины. Поэтому коэффиціентъ 528 показываетъ, что ученикъ показалъ линію бо́льшую начерченой имъ пятой, которая у него равна была 35 мм., въ 5,28 разъ. У 16 учениковъ коэффиціентъ этотъ достигъ выше 200, т. е. они указали по линіи вдвое болѣе длинной, чѣмъ ихъ пятая. Наиболѣе поразителенъ одинъ ученикъ, обладающій коэффиціентомъ 545 и у котораго при этомъ пятая линія дана почти равной настоящей, а именно 55 мм. и дошедшій такимъ образомъ до того, что смотря на линію въ 60 мм. онъ показалъ ее равной 300 мм. Мальчику этому 11 лѣтъ, а другой 14-и показалъ ее въ 210. Важно отмѣтить что провѣрка этого опыта предпринятая Бинэ надъ болѣе возрастными именно на 12 ученикахъ Ecole Colbert въ среднемъ 16 лѣтъ, хотя и дала въ общемъ положительный результатъ, такъ какъ большинство учениковъ поддалось вліянію мысли о все увеличивающихся линіяхъ, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ дѣти. Однако въ частностяхъ результатъ получился значительно отличный: коэффиціентъ поднялся всего до 147, т. е. максимальная линія только въ 1,5 раза превосходила пятую и максимумъ достигался на гораздо болѣе близкой линіи, чѣмъ

у дѣтей, въ трехъ случаяхъ уже на шестой. Опытъ этотъ чрезвычайно любопытенъ, такъ какъ въ самой простой формѣ даетъ намъ наглядное доказательство, какъ сильно отражается на нашемъ воспріятіи мысль, съ которою мы къ нему приступаемъ. Аналогичные опыты были продѣланы надъ воспріятіемъ различныхъ тяжестей съ такимъ же успѣхомъ.

Еще болѣе интересны для насъ опыты Бинэ, изложенные въ главѣ „L'interrogatoire" (ch. VI).

Коренной опытъ Бинэ заключался въ слѣдующемъ. Испытуемому, это были тѣ же ученики начальнаго училища, предлагалось 12 секундъ разсматривать картонъ 22 с. въ длину и 15,5 въ вышину. На этомъ картонѣ были налѣплены клеемъ 6 предметовъ: во первыхъ въ лѣвомъ углу сверху су, подъ нимъ этикетка изъ магазина Au bon marché изъ отдѣленія lingerie, corsets, подъ ней, но правѣе пуговица, вправо отъ этикетки портретъ какого то господина, еще правѣе и выше марка въ 2 сантима, а въ правомъ углу внизу небольшая вырѣзанная изъ газеты гравюра, изображавшая почтальоновъ стачечниковъ передъ полуоткрытыми воротами. Ребенка Бинэ предупреждалъ о необходимости внимательно использовать очень короткій предоставленный ему промежутокъ времени. Затѣмъ картонъ у испытуемаго отбирался, и Бинэ обращался къ нему съ просьбой перечислить видѣнные имъ предметы. Изъ 24 испытуемыхъ 10 забыли при этомъ почтовую марку 9 этикетку, 3 су, 2 портретъ, ни одинъ не забылъ гравюры. Далеко не одинаковое запамятованіе отдѣльныхъ предметовъ Бинэ остроумно объясняетъ тѣмъ, что гравюры и портретъ показались ученикамъ наиболѣе интересными сравнительно съ прочими весьма обыденными предметами. Хорошее же запоминаніе изъ числа послѣднихъ су объясняется, вѣроятно, его положеніемъ вверху слѣва (p. 256). За перечисленіемъ предметовъ испытуемому предлагался устно цѣлый рядъ вопросовъ всего 41 о подробностяхъ видѣнныхъ предметовъ, при чемъ напоминалось о существованіи пропущенныхъ предметовъ. Вотъ образчикъ вопросовъ: какъ прикрѣплена пуговица къ картону? марка новая или уже бывшая въ употребленіи? по портрету предлагалось такихъ вопросовъ 9, а именно: какова форма портрета? его цвѣтъ? что онъ изображаетъ? видѣнъ ли господинъ во весь ростъ? до какой части тѣла онъ видѣнъ? что онъ дѣлаетъ? что дѣлаетъ его правая рука? какого

цвѣта его пиджакъ? какого цвѣта его жилетка? (р. 257) Ошибочныхъ отвѣтовъ оказалось довольно много одинъ ученикъ сдѣлалъ пять, 9 не свыше 10, остальные до 14 ошибокъ каждый (р. 286). Ошибки оказались весьма разнообразны; такъ напримѣръ 7 испытуемыхъ сочли портретъ круглымъ, 2 опредѣлили цвѣтъ его бѣлымъ, 2 каштановымъ, одинъ синимъ, ошибались и въ цвѣтѣ жилета принимая его за черный. Особенно грубыя ошибки даны были нѣкоторыми по поводу гравюры, одинъ счелъ ее за общество изъ 40 сидящихъ лицъ съ которыхъ снимаютъ фотографію, другой увидѣлъ въ ней погребеніе Феликса Фора, замѣтилъ на ней и президента Лубэ (р. 281). Въ виду своихъ спеціальныхъ цѣлей и малой изученности такихъ ошибокъ Бинэ отказывается отъ ихъ классификаціи и ограничивается дѣленіемъ на ошибки логическія или рутинныя, какъ онъ ихъ называетъ, и на ошибки воображенія, причисляя къ первымъ такія, испытуемый напримѣръ утверждаетъ, что пуговица, пришита, а не приклеена къ картону, опредѣливъ сюжетъ портрета, какъ зѣвающаго человѣка, онъ поднимаетъ руку у господина и прикрываетъ ей его ротъ и т. д. Зато подробности опытовъ позволяютъ ему выставить такія весьма интересныя для судьи положенія: во первыхъ изъ того, что ребенокъ описываетъ что-либо очень ясно и точно еще далеко не слѣдуетъ что онъ описываетъ вѣрно, и дѣйствительно ребенокъ, видѣвшій новую марку, подробно описываетъ почтовый на ней штемпель указываетъ на ней мѣсто, буквы его и все это рисуетъ (р. 283); во вторыхъ люди обладаютъ свойствомъ, воспринимая совершенно точно какую нибудь сторону предмета, напримѣръ сюжетъ гравюры, воспринимать въ то же время совершенно невѣрно ея напримѣръ цвѣтъ (р. 285). Отсюда практическій выводъ не вѣрить еще свидѣтелю во всѣхъ подробностяхъ его показанія о предметѣ, если часть его описанія удалось намъ провѣрить и найти безусловно правильной. Замѣчанія эти Бинэ высказываетъ только попутно, подчеркивая, что вопросъ о показаніяхъ свидѣтелей настолько новъ, что здѣсь могутъ имѣть мѣсто самые неожиданные выводы, и высказывая увѣренность, что когда нибудь да создастся же практическая наука о свидѣтельскихъ показаніяхъ (р. 285 note) и переходитъ затѣмъ къ дальнѣйшему развитію своего опыта. Повторивъ его на 12 ученикахъ другого училища въ измѣненномъ видѣ, именно

потребовавъ отъ испытуемыхъ письменныхъ показаній, состоящихъ не въ отвѣтахъ на предложенный вопросъ, а въ свободномъ изложеніи всего, что они видѣли Бинэ, получилъ весьма поучительные результаты, максимумъ ошибокъ оказался всего 4 т. е. менѣе минимума въ испытаніи по вопросамъ и нашлось два показанія безошибочныхъ. „Если хотите, говоритъ по этому поводу Бинэ, получить отъ ребенка максимумъ истины не ставьте ему никакихъ вопросовъ, избѣгайте даже такихъ, которые свободны отъ всякаго внушенія, а прикажите ему написать все, что онъ помнитъ и оставьте его съ глазу на глазъ съ бумагой (р. 294). Причину такой разницы, какъ видно уже изъ этого совѣта, Бинэ усматриваетъ въ томъ что предлагая вопросы, мы напрягаемъ память испытуемаго, вліяемъ этимъ на него и темный остатокъ воспоминанія онъ развиваетъ или путемъ логическаго развитія или воображенія, такъ какъ „ребенокъ даже въ возрастѣ 12 лѣтъ еще не способенъ схватывать разницу между тѣмъ, что онъ видѣлъ, наблюдалъ и между логическимъ разсужденіемъ или выдумкой“ (р. 295), но если уже самымъ фактомъ предлаганія вопросовъ мы невольно внушаемъ ошибки ребенку, то тѣмъ болѣе становится интереснымъ провѣрить это наблюденіе, если мы вопросы эти умышленно облечемъ въ такую форму, что она особенно легко заставить испытуемаго дѣлать ошибки и притомъ въ желательномъ для насъ направленіи. Устраняя воздѣйствіе тона голоса, какъ слишкомъ трудно запечатлѣваемое, Бинэ прибѣгъ къ различной формѣ въ выраженіи вопросовъ и составилъ три вопросника по поводу показаннаго картона. Беремъ изъ этихъ вопросниковъ вопросы для портрета. Въ первомъ вопросникѣ (р. 197) мы находимъ: видны ли ноги господина, изображеннаго на портретѣ или нѣтъ? въ шляпѣ онъ или нѣтъ? есть у него какой нибудь предметъ въ правой рукѣ или нѣтъ? во второмъ (р. 298): не положилъ ли одну ногу на другую господинъ, изображенный на портретѣ? не надѣта ли у него на голову шляпа? нарисуйте ее; нѣтъ ли у него какого нибудь предмета въ правой рукѣ? и въ третьемъ вопросникѣ (р. 299): правую ногу на лѣвую или лѣвую на правую заложилъ господинъ на портретѣ? нарисуйте, какой формы у него на головѣ шляпа? что онъ держитъ въ правой рукѣ? Первый вопросникъ ничего не предрѣшаетъ, здѣсь дѣло идетъ только о напряженіи памяти:

необходимо припомнить извѣстную подробность о предметѣ и только. Второй предназначенъ для полувнушенія, для внушенія очень умѣреннаго, спрашивая, не въ шляпѣ ли господинъ, мы положительно этого не утверждаемъ, но считаемъ это повидимому вполнѣ вѣроятнымъ. При третьемъ мы встрѣчаемся уже съ сильнымъ внушеніемъ. Спрашивающій категорически утверждаетъ существованіе извѣстной подробности и требуетъ еще большихъ, шляпа уже признана, надо только опредѣлить ея форму. Результаты опыта на 27 ученикахъ народной школы превзошли ожиданія: 5 человѣкъ, допрошенные по первому вопроснику дали въ среднемъ 2,9 ошибочныхъ и 8,1 вѣрныхъ отвѣтовъ; 11 человѣкъ по второму въ среднемъ ошибочныхъ 4,9 и 8,09 вѣрныхъ, а 11 по третьему 7,9 и 5,09. Внутренняя связь этихъ результатовъ съ формою вопросовъ станетъ еще нагляднѣе, если мы обратимся къ другой табличкѣ Бинэ, передающей эти результаты, какъ подсчетъ синтактическаго выраженія отвѣтовъ: на вопросникъ второй дано 54 утвержденія а на третій 87; отрицаній при второмъ 70, при третьемъ всего только два; признаній незнанія явныхъ или молчаливыхъ въ формѣ пропуска отвѣтовъ, понятно, уже при третьемъ гораздо больше—54, а при второмъ 9. Получивъ такіе поразительные выводы на дѣтяхъ, Бинэ повторилъ свой опытъ на 12 лучшихъ ученикахъ Версальской école normale des instituteurs въ возрастѣ отъ 16 до 19 лѣтъ. Оказалось, что и они поддались вопроснику. Такъ 4 ученика, отвѣчавшіе по вопроснику № 3, сдѣлали 7, 2, 4, 3 ошибки. Любопытно, что и здѣсь испытуемые обнаруживали большую осторожность въ отрицаніи вопросовъ, прибавляя не помню, кажется и т. д. Къ сожалѣнію, Бинэ даетъ свѣдѣнія только о четырехъ ученикахъ, получившихъ третій вопросникъ.

Прежде чѣмъ излагать въ аудиторіи о только что переданномъ опытѣ Бинэ, было предложено шести студентамъ 4-го курса, уже знакомыхъ съ опытами Штерна, но объ опытахъ Бинэ, не знавшихъ, подвергнуться испытанію. Испытаніе это нѣсколько разнилось отъ опыта Бинэ прежде всего потому, что точно повторить его за отсутствіемъ соотвѣствующихъ предметовъ оказывалось невозможнымъ. Мы воспользовались двумя объектами. Послѣдовательно каждому студенту давалось смотрѣть по полминуты сначала на портретъ затѣмъ на гравюру, оба эти объекта точно воспроизведены въ книгѣ Бинэ.

Увеличеніе времени воспріятія должно было, какъ мы видѣли изъ опытовъ по методу Штерна ослабить успѣшность опыта однако результатъ оказался таковъ: двое, получившіе первый вопросникъ, дали такіе отвѣты: по вопросу о положеніи ногъ 1-вый: видны, 2-ой: нѣтъ, оба получившіе вопросъ во второй формѣ признали, что господинъ положилъ одну ногу на другую, а получившіе третій вопросникъ одинъ безусловно, а другой съ оговоркой, кажется, что онъ положилъ именно лѣвую на правую. Шляпы на головѣ никто не призналъ, но оба, получившіе третій вопросникъ, оговорились при этомъ: кажется, насколько мнѣ помнится; на вопросъ о предметѣ въ правой рукѣ, получившіе первый вопросникъ отвѣтили одинъ: нѣтъ, другой: не обратилъ вниманія; оба, получившіе второй вопросникъ, признали, что предметъ былъ, но не знали, какой именно; при третьемъ вопросникѣ, одинъ предмета не замѣтилъ, другой не разсмотрѣлъ, но думаетъ что было что то въ родѣ яблока, т. е. изъ шести отвѣтовъ при первомъ вопросникѣ одинъ отвѣтъ невѣрный и одна оговорка, при второмъ 4 невѣрныхъ, при третьемъ три невѣрныхъ и три оговорки, т. е. ни одного безусловно отрицательнаго. Опытъ съ портретомъ, при чемъ онъ показывался не изъ книги Бинэ, а въ видѣ фотографическихъ карточекъ съ него снятыхъ, точно передающихъ его размѣръ, намъ удалось повторить благодаря любезному согласію испытуемыхъ на 18 учащихся одного женскаго учебнаго заведенія, окончившихъ уже 7 или 8 классовъ гимназіи. Опытъ былъ еще болѣе осложненъ, такъ какъ портретъ показывался только одинъ и на него разрѣшалось смотрѣть цѣлую минуту, изъ 18—5 получили первый вопросникъ, 6 второй и 7 третій. Шляпа была отвергнута всѣми за исключеніемъ одной, отвѣтившей по третьему вопроснику не помню, слѣдовательно формы, предметъ въ рукѣ отвергнутъ двумя первой категоріи, 4-мя второй и 3-мя третьей, признанъ одной первой, одной второй, одной третьей, но изъ этой третьей одна обошла вопросъ молчаніемъ, другая отвѣтила не знаю. Замѣчательны отвѣты на вопросъ о положеніи ногъ при первомъ вопросникѣ всѣ пять утверждаютъ, что ногъ субъекта не видно, по второму одна категорически подтверждаетъ, что онъ положилъ ногу на ногу, три отрицаютъ, не оговаривая того, видны ли ноги вообще или нѣтъ и только двѣ отвѣчаютъ одна, что опредѣлить нельзя, такъ

какъ ногъ его не видно, а другая, не замѣтно, изъ 7 же послѣдней категоріи наоборотъ всего одна утверждаетъ, что ногъ не видно, одна обошла вопросъ молчаніемъ — явленіе хорошо извѣстное намъ изъ опытовъ Бинэ,—три испытуемыя признали, что положена правая нога на лѣвую, одна, что лѣвая на правую и одна, что хотя ноги и видны, но онѣ не заложены одна на другую. Сравнивая эти наши данныя съ данными Бинэ, нельзя не убѣдиться, что всѣ они чрезвычайно совпадаютъ съ послѣдними: форма вопросовъ вліяетъ самымъ рѣзкимъ образомъ на отвѣты. Любопытно вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить, что и у насъ оказались особенно дѣйствующими тѣ же вопросы, что и у Бинэ. И у насъ и у него вопросъ о шляпѣ почти не дѣйствовалъ: не смотря на форму вопроса субъектъ оставался съ обнаженной головой, вопросъ о предметѣ въ рукѣ соблазняетъ уже большихъ, но зато часто независимо отъ его формы, отъ внушенія же при вопросѣ о положеніи ногъ очень рѣдкіе могутъ освободиться. Объясняется это несомнѣнно моментомъ воспріятія. Наши ошибки при отвѣтахъ на вопросы зависятъ, какъ мы сейчасъ видѣли, отъ того что вопросъ заставляетъ насъ сосредоточиться на воспоминаніи извѣстнаго воспріятія, и чѣмъ оно менѣе ясно, тѣмъ легче мы подпадаемъ подъ вліяніемъ формы вопроса въ зависимость отъ обычныхъ ассоціацій и воображенія. Самое сильное внушеніе не дѣйствуетъ при вопросѣ о шляпѣ, потому что при воспріятіи портрета мы естественно прежде всего обращаемъ вниманіе на лицо—тутъ фокусъ нашего вниманія—не замѣтить поэтому въ шляпѣ человѣкъ или нѣтъ, очень трудно. Полученное впечатлѣніе такъ сильно, что оно побѣждаетъ коварный вопросъ; что это не только предположеніе, а фактъ,—это доказываетъ опыты Бинэ и наши ихъ повторенія. Мы уже говорили, что первоначально Бинэ ставилъ просто опыты на напряженіе памяти (mémoire forcée). Эти вопросы по крайней мѣрѣ значительную часть ихъ мы предлагали всѣмъ нашимъ испытуемымъ въ дополненіе къ тремъ вопросникамъ. Сводя ошибки, Бинэ замѣчаетъ: „въ дѣйствительности портретъ представляетъ человѣка, который открылъ ротъ. Очень немногіе изъ дѣтей ограничились описаніемъ того, что видѣли, они уступили потребности въ объясненіи; вмѣсто того, чтобы просто сказать человѣкъ открываетъ ротъ, говорятъ: что онъ зѣваетъ, кричитъ, дѣлаетъ гримасу, смѣется,

высовываетъ языкъ, поетъ и т. д. это новый примѣръ того, какъ трудно ребенку различать чувственныя наблюденія отъ заключенія, выведеннаго изъ этого наблюденія" (р. 276). Эти замѣчанія Бинэ едва ли вѣрны и въ двухъ отношеніяхъ во первыхъ логически рѣшительно всякая передача нами чувственнаго воспріятія всегда является уже результатомъ силлогизма. Когда мы говоримъ, что человѣкъ открылъ ротъ, мы даемъ заключенія изъ общихъ посылокъ понятія человѣка, рта, открыть и т. д. такъ что между заключеніями человѣкъ открылъ ротъ или человѣкъ зѣваетъ есть только количественная, а не качественная логическая разница. Это значеніе общихъ посылокъ, необходимость знанія ихъ передающимъ и необходимость провѣрки этого знанія судьею превосходно выяснено въ юридической литературѣ профессоромъ Штейномъ [1]), во вторыхъ не только дѣти, но вѣроятно и всякій наблюдатель займется этой интерпретаціей. Когда передъ нами портретъ, мы наибольшее вниманіе обращаемъ на лицо, а лицо нашего субъекта настолько необычно, что невольно заинтересовываетъ смотрящаго. Пониманіе того, что изображено, чрезвычайно облегчаетъ наше воспоминаніе о видѣнномъ, хотя, какъ мы уже говорили выше, и ведетъ насъ подчасъ отчасти къ ошибкамъ въ воспріятіи, отчасти къ ложнымъ воспоминаніямъ по обычной ассоціаціи. Мы имѣли дѣло не съ дѣтьми, а съ лицами не моложе 17 лѣтъ, (17—23). со студентами не моложе 22 (22—26) и всетаки мы здѣсь получаемъ такіе отвѣты, которые вполнѣ совпадаютъ или аналогичны съ приведенными у Бинэ отвѣтами дѣтей; вотъ напримѣръ: раздраженный человѣкъ, лицо котораго сжимается отъ конвульсій, сильное душевное движеніе или ужасъ или удивленіе, всталъ недавна со сна и находится подъ вліяніемъ просонокъ, брезгливая гримаса должно быть вкусилъ что нибудь непріятное? зѣваетъ, выражаетъ боль, не то ужасъ не то сожалѣніе, зоветъ, говоритъ .. Естественно такимъ образомъ, что обративъ особенное вниманіе на голову, испытуемые твердо помнили, что шляпы на субъектѣ не было. Другое объясненіе приходится дать относительно предмета въ рукѣ. Какъ гравюра Бинэ, такъ и сдѣланные съ нея снимки не достаточно отчетливы, между тѣмъ сжатая рука допускаетъ свободно два

---

[1]) F. Stein. Das private Wissen des Richters L. 1893.

предположенія для наблюдающаго или она сжата въ кулакъ или же она что нибудь держитъ, поэтому здѣсь часто при отвѣтѣ на вопросникъ сильнаго внушенія, что-то было не знаю что, нельзя еще усматривать вліяніе формы вопроса, достаточно сравнить отвѣтъ на первый вопросникъ; „по неясности рисунка нельзя было опредѣлить, повидимому что то есть, потому что пальцы приняли такую форму, что какъ будто держатъ предметъ, какой при всемъ желаніи разсмотрѣть не могла, хотя и старалась“.

IV.

Излагая слушателямъ объ результатахъ опытовъ Штерна и Бинэ намъ хотѣлось дать имъ возможность воочію убѣдиться въ ошибочности и разнорѣчивости показаній свидѣтелей, нисколько не зависящихъ отъ того, что свидѣтель пристрастенъ къ той или другой сторонѣ. Для этого мало было изложить имъ сводку отвѣтовъ тѣхъ изъ ихъ товарищей, которые охотно давали ихъ намъ письменно. Нужно было, чтобы эти свидѣтели не отказались дать показаній передъ аудиторіей; свидѣтели любезно на это согласились, а тогда невольно являлось желаніе просмотрѣть на искусственномъ опытѣ, насколько, слушая подобныя свидѣтельскія показанія, можно будетъ придти къ правильному заключенію относительно истиннаго содержанія картины, т. е. устроить судъ. Сначала это было произведено по отношенію къ картинѣ „Художникъ“. Судьямъ было предложено разрѣшить, на основаніи устныхъ показаній свидѣтелей о этой картинѣ—10 вопросовъ. Свидѣтелей допрашивали судьи и экспериментаторъ. При разногласіи показаній, даваемыхъ изустно, оглашались письменныя показанія свидѣтеля. Письменныя показанія нѣсколькихъ неявившихся свидѣтелей также были оглашены. Изъ 4 судей трое были организованы въ коллегію, и одинъ оцѣнивалъ доказательства единолично. Результаты опыта: изъ 10 вопросовъ только на три вопроса (о томъ, что за экипажъ изображенъ на картинкѣ, гдѣ помѣщается въ немъ молодая женщина и въ какомъ положеніи отъ лошади и экипажа находится художникъ)—послѣдовалъ правильный отвѣтъ обоихъ судовъ. Сверхъ того, еще на вопросъ о вещахъ, находящихся въ экипажѣ около молодой женщины, правильный отвѣтъ полученъ отъ коллегіи,

и о томъ, кто правитъ лошадью, отъ единоличнаго судьи („лошадью никто не правитъ"). Слѣдовательно, и единоличный судья, и коллегія дали одинаковое число ошибочныхъ отвѣтовъ на 6 изъ 10 вопросовъ. Содержаніе ошибокъ: на вопросъ о предметахъ, находящихся около молодой женщины, единоличный судья призналъ: „около женщины находится клѣтка съ птицей",—послѣдовательно на вопросъ о томъ, гдѣ находится птица, онъ отвѣтилъ: „птица находится въ клѣткѣ". Тотъ же судья призналъ наличность за шкафомъ „чемодановъ",—при этомъ любопытно, что чемоданы явились впервые въ устныхъ показаніяхъ одного изъ свидѣтелей. Новая иллюстрація значенія восполненія образа по обычной ассоціаціи идей! Коллегія на вопросъ о томъ, какіе предметы помѣщаются въ задней части экипажа, отвѣтила: хозяйственныя принадлежности и принадлежности художественной мастерской. На вопросъ о томъ, кто правитъ лошадью, она пришла къ выводу „лошадь ведетъ художникъ", и о томъ, какіе предметы художникъ несетъ въ правой рукѣ и въ лѣвой: ящикъ съ красками и поводъ. На вопросъ о томъ, что за подпись имѣется на картинѣ, оба суда ошибочно признали наличность подписи художника, при чемъ единоличный опредѣленно—сверхъ обозначенія мѣсяца и года. Кромѣ того, ошибки расположенія: оба суда переставили предметы, находящіеся въ рукахъ у художницы, помѣстивъ въ правую—лампу и въ лѣвую—статую. Палитра помѣщена единоличнымъ судьей подъ мышку правой руки художника, при чемъ ему въ руки дана „большая палка"; съ своей стороны, коллегія на палку прицѣпила чучело птицы.

При производствѣ этого опыта немедленно обнаружилось, что участіе въ допросѣ свидѣтелей самого экспериментатора къ сожалѣнію въ извѣстной степени парализуетъ успѣхъ опыта. Желаніе экспериментатора показать слушателямъ во всей полнотѣ и всякаго рода ошибки свидѣтельскихъ показаній искусственно затрудняетъ работу судей, ставя здѣсь разысканіе истины въ условія, превышающія обычныя трудности. Съ другой стороны, оказывалось почти невозможнымъ скрыть свое знаніе ошибочности или правильности свидѣтельскаго показанія (интонаціей или выраженіемъ лица), а это вело къ тому, что судья обращали вниманіе и на отношенія экспериментатора къ получаемому отвѣту.

Недостатки предыдущаго опыта мы попытались устранить или по крайней мѣрѣ чрезвычайно ослабить въ слѣдующій разъ тѣмъ, что роль экспериментаторовъ была сведена исключительно къ обязанностямъ секретаря и судебнаго пристава съ устраненіемъ ихъ отъ вмѣшательства въ ходъ допроса свидѣтелей. Такое устраненіе стало возможнымъ путемъ искусственнаго созданія сторонъ, это оказалось возможнымъ благодаря нѣкоторой особенности предлагаемой вашему вниманію картинки [1]). Вѣроятно почти всѣ, смотрящіе на нее въ настоящее время, не догадываются о ея названіи: мирная семейная сцена, піанино невольно подсказываютъ названіе комнаты гостинная, между тѣмъ подпись гласитъ „въ мастерской" Dans l'atelier и, приглядываясь, вы замѣчаете, что обстановка комнаты далеко не обычна для гостинной, напримѣръ обиліе картинъ, ихъ сюжеты, размѣщеніе ихъ по стѣнѣ, картина на шкапу, самъ шкапъ и т. п. Такъ какъ подпись справа была залѣплена, а на картинѣ дающей только небольшой кусокъ комнаты изображеній какихъ либо рабочихъ принадлежностей нѣтъ, то большинство испытуемыхъ опредѣлили комнату, какъ гостинную, нѣкоторые писали салонъ, налѣво имѣется подпись Salon 1901, т. е. что это копія съ картины выставленной въ салонѣ 1901 г. [2]). Любопытно, что на судѣ всѣ свидѣтели заявили, что они никакой подписи на картинѣ не замѣтили между тѣмъ эта часть подписи заклеена не была). Другіе ограничились словомъ комната, а мастерской въ комнатѣ никто не заподозрѣлъ. Другое противоположеніе изъ интерпретаціи испытуемыми того, кѣмъ приходится дама дѣвочкамъ, одни видѣли въ ней мать, другіе гувернантку. Намъ и пришла мысль, подобравъ по возможности всѣ противорѣчивыя мѣста показаній, распредѣлить ихъ на двѣ половины, группируя по признакамъ гостинная, мастерская (художника), мать, гувернантка. Такое противоположеніе давало надежду, что лица, защищающія его, должны будутъ выяснить съ одной стороны всю обстановку, такъ какъ каждый лишній предметъ можетъ быть весьма цѣннымъ въ дѣлѣ опредѣленія характера

---

[1]) Чтеніе сопровождалось показываніемъ черезъ волшебный фонарь картинокъ.

[2]) Rixens. Dans l'atelier, показывалась испытуемымъ копія на открытомъ письмѣ.

комнаты, съ другой стороны и позы, выраженія лицъ и одежды всѣхъ присутствующихъ, т. е. исчерпаютъ все возможное содержаніе свидѣтельскихъ показаній. Предварительный матеріалъ состоялъ изъ показаній 12-ти свидѣтелей. Картинка показывалась 8 свидѣтелямъ по 1 минутѣ каждому, одному пять минутъ, тремъ сразу вмѣстѣ пять минутъ, при этомъ каждый изъ нихъ держалъ ее въ своихъ рукахъ по крайней мѣрѣ одну минуту. Этимъ тремъ послѣ разсмотрѣнія картины предоставлено было до ея описанія въ теченіе пяти минутъ поговорить другъ съ другомъ о картинѣ, остальные писали свое первое показаніе немедленно послѣ разсмотрѣнія картины. Четверо сдѣлали это 24 января, четверо—27-го и четверо 31-го; давшіе въ первый день показанія повторили ихъ еще два раза, давшіе 27-го еще одинъ разъ. Послѣ дачи перваго письменнаго показанія испытуемымъ разрѣшалось говорить или со всѣми или съ кѣмъ нибудь однимъ изъ товарищей о картинѣ. Кромѣ описанія картинки безъ вопросовъ имъ всѣмъ было предложено, 8-ми немедленно послѣ даннаго показанія, остальнымъ же 4-мъ только на третій день дать отвѣты на нѣсколько (12) вопросовъ по поводу видѣннаго. Такимъ образомъ матеріалъ для суда весьма походилъ на тотъ, который обыкновенно бываетъ у послѣдняго въ дѣйствительности. Повтореніе показаній, какъ мы видѣли уже, говоря объ опытахъ Штерна, не ухудшаетъ само по себѣ показаній а даже улучшаетъ, да и въ дѣйствительности въ уголовномъ, напримѣръ, процессѣ оно почти норма, допросъ на дознаніи, у слѣдователя и не рѣдко повторный. Вліяніе вопросовъ, хотя они и предлагались по системѣ Бинэ, оказалось во первыхъ не слишкомъ велико, мы увидимъ сейчасъ почему, во вторыхъ вполнѣ мыслимымъ и въ дѣйствительности. Большинство вопросовъ было такого рода, что содержаніе ихъ заимствовалось изъ описаній, данныхъ первыми четырьмя свидѣтелями, напримѣръ одинъ изъ свидѣтелей принялъ столъ, стоящій за дамой за этажерку, естественно, что слѣдователь спроситъ другого свидѣтеля: не было ли въ комнатѣ этажерки? если одинъ изъ свидѣтелей на томъ же столѣ, а также на столикѣ въ родѣ вазы усмотрѣлъ ноты, то легко ждать вопроса: на какихъ предметахъ лежали ноты? Такъ какъ особенно первыми показаніями опущены были детали, говорящія противъ гостинной, то объ этихъ деталяхъ вопросы были предложены въ

формѣ сильныхъ внушеній. Внушеніе это однако здѣсь подѣйствовало, какъ и можно было думать, очень мало: испытуемые, зная уже суть опытовъ Бинэ, обнаруживали въ большинствѣ случаевъ довольно рѣзкое противодѣйствіе вопросамъ облекаемымъ въ эту форму, особенно, если общее впечатлѣніе картины внушало къ нимъ подозрѣніе, такъ вопросъ: обратили ли вы вниманіе, что всѣ четыре кресла въ комнатѣ совершенно разнаго фасона? вызывалъ замѣчанія почему не три? въ комнатѣ не одни кресла, а и стулья, всѣ одинаковы, и этотъ вопросъ самъ по себѣ вѣрный вмѣстѣ съ такимъ же вѣрнымъ вопросомъ, гдѣ висѣли картины, изображающія одна обнаженную женщину, другая обнаженнаго мужчину, указывался свидѣтелями какъ капціозный, а вопросъ о картинѣ на шкапѣ вызвалъ даже отвѣтъ одного изъ испытуемыхъ: нѣтъ не висѣла, ибо шкапа въ комнатѣ не было; и, если всетаки нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, даже большинство, проникли въ процессъ въ качествѣ утверждаемыхъ свидѣтелями, то этимъ они обязаны не искусственному внушенію, а нѣкоторымъ, преимущественно изъ пятиминутныхъ, свидѣтелямъ, которые и безъ вопроса занесли ихъ въ свои первичныя показанія. Двое студентовъ любезно взялись сыграть роли сторонъ. Такъ какъ цѣль наша была убѣдиться, возможно ли будетъ судьямъ достигнуть истины, то намъ важно было поэтому устранить всякія усложняющія вліянія, почему сторонамъ и было предоставлено не смотрѣть на заготовленныя нами программы ихъ утвержденій, какъ на нѣчто для нихъ обязательное, а напротивъ защищать изъ нихъ только то, въ истинѣ чего онѣ сами убѣждены. Обѣ стороны широко воспользовались этимъ. Одна немедленно по ознакомленіи съ письменнымъ матеріаломъ (картинка имъ, конечно, не показывалась), другая во время засѣданій. Вотъ эти программы для сторонъ, мы приводимъ ихъ, чтобы не утомлять слушающихъ вновь перечисленіемъ ошибокъ. Обращаемъ вниманіе, что намъ принадлежатъ здѣсь только отдѣльныя связующія слова и предположеніе, что это мастерская художника. Всѣ факты и эпитеты при предметахъ взяты нами изъ свидѣтельскихъ показаній [1]).

I. Картинка представляетъ гостинную, роскошно обставленную. Въ ней на полу мѣховой коверъ, 4(?) кресла *одина-*

---

[1]) Курсивомъ переданы ошибки.

коваго фасона; изящный металлическій столикъ на трехъ ножкахъ въ родѣ вазы; позади одного изъ креселъ *диванъ* и столъ. На этомъ столѣ, также какъ и на металлическомъ столикѣ, ноты, а также книги. На лѣвой [1]) сторонѣ ширмы, за ними видна *дверь*, справа позади стола каминъ со статуеткою на немъ. На задней стѣнѣ шесть картинъ (голова дѣвушки, сидящая женщина во весь ростъ, дѣвушка вяжетъ, три неясны— *обнаженной человѣческой фигуры нѣтъ, мужчины безусловно.* У стѣны на коврѣ (коверъ подъ піанино) піанино съ не зажженными свѣчами, передъ нимъ табуретка. *Шкапа* въ комнатѣ *не было.*

Въ гостинной были:

1) *взрослая* дѣвушка, одѣтая въ свѣтлое, длинное платье съ распущенными волосами. Она, сидя на табуреткѣ, играетъ на піанино.

2) *Справа* отъ нея дѣвочка въ короткомъ бѣломъ платьѣ сидитъ около піанино въ креслѣ, *подперевъ* свою щечку рукою, *волосъ ея не видно*, такъ какъ она сидитъ лицемъ къ зрителямъ.

3) *Слѣва* также въ креслѣ сидитъ дѣвочка подростокъ она одѣта въ короткое платье съ *обнаженными* руками, волосы распущены.

4) Въ креслѣ почти у самого піанино, но передъ нимъ правѣе сидитъ дама среднихъ лѣтъ, судя по непринужденной позѣ (протянула ноги на коверъ, положивъ одна на другую, *закинула руки за голову*, откинувшись на спину кресла)— мать. Одѣта она въ темное, волосы собраны въ прическу.

II. Хотя часть свидѣтелей и говоритъ, что картинка представляетъ гостинную, но на дѣлѣ это скорѣе мастерская художника: 1) въ ней висятъ повсюду и на стѣнахъ, и на шкапу, картины и портреты ихъ *множество*, въ томъ числѣ мало подходящія къ семейной гостинной изображенія обнаженныхъ мужчины и женщины; 2) обстановка крайне смѣшанная, не гостинная, именно въ комнатѣ находятся: коверъ, на немъ медвѣжья шкура, піанино, всѣ кресла разныхъ фасоновъ, *стулья*, два шкапа, ширмы, изящный треножникъ, *сундукъ*, что то въ родѣ вазы, *этажерка*, *повсюду въ безпорядкѣ* бумаги, ноты, газеты. Въ комнатѣ находятся дама, волосы ея *острижены*; вѣроятно, это гувернантка, такъ какъ она одѣта

---

[1]) Лѣвая, правая—отъ смотрящаго.

крайне скромно, тогда какъ дѣвочки *очень хорошо и богато.* Она сидитъ передъ піанино справа въ креслѣ, положивъ нога на ногу, чтобы удобнѣе *держать на колѣняхъ маленькую дѣвочку*, которая руками оперлась на край піанино и смотритъ, какъ бѣгаютъ пальцы играющей. Гувернантка погружена въ свои мысли и не обращаетъ вниманія на дѣвочекъ *въ ея рукахъ открытая книга.* Изъ дѣвочекъ одна лѣтъ 12—14 въ изящномъ бѣломъ *коротенькомъ* еще платьѣ съ распущенными волосами играетъ на піанино. Слѣва отъ нея сидитъ, оперевъ щечку на свою руку, дѣвочка поменьше, одѣта также въ бѣлое, внимательно слушаетъ игру старшей. И у нея, какъ и обѣихъ предыдущихъ, волосы распущены. *На полу ползаетъ еще ребенокъ.*

Первая программа была въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и довольно существенно измѣнена стороною, такъ всѣ кресла были признаны разнаго фасона, дѣвочка справа перемѣщена на лѣвую сторону, лѣта играющей уменьшены, признана наличность шкапа и *этажерки.*

Засѣданіе суда происходило 25 февраля, судовъ было 8,5 единоличныхъ и 3 коллегіальныхъ. Изъ послѣднихъ одинъ состоялъ не изъ трехъ судей, а только изъ двухъ, такъ какъ одному изъ судей нельзя было провести все засѣданіе, одинъ изъ единоличныхъ судей предсѣдательствовалъ. Прежде всего необходимо указать, что и судъ и свидѣтели и стороны отнеслись чрезвычайно серьезно и внимательно къ взятымъ на себя обязанностямъ, чему очень способствовалъ все возраставшій во время засѣданія интересъ взаимно противорѣчивыхъ показаній, заставлявшихъ не только судей, но и уже допрошенныхъ свидѣтелей съ неослабнымъ вниманіемъ и подчасъ удивленіемъ слушать показанія, оставаясь въ залѣ до самаго конца засѣданій. О внимательности разбора говоритъ то, что разборъ продолжался съ 11 часовъ 20 м. до 2 ч. 30 м. и съ 8 ч. 15 м. до 11 ч. 30. м. т. е. болѣе шести часовъ, при чемъ на пренія ушло 20 м. а на рѣшеніе полчаса, между тѣмъ допрошено было всего 8 свидѣтелей, такъ какъ двое не явились, а двое приглашены были нами занять мѣста единоличныхъ судей.

Такъ какъ намъ хотѣлось облегчить всѣми мѣрами выясненіе истины, то для облегченія судей, которые предварительно не были ознакомлены съ письменными показаніями

свидѣтелей, такъ что они оказывались на положеніи присяжныхъ засѣдателей, а обвинительнаго акта не имѣлось, примѣнительно къ англійскимъ порядкамъ каждая изъ сторонъ прочла програму того, что она предполагаетъ доказывать. Сверхъ того съ самаго начала судьямъ переданы были вопросные листы, составленные такимъ образомъ, что въ нихъ былъ помѣщенъ перечень всѣхъ предметовъ, какіе только были усмотрѣны свидѣтелями, напримѣръ, 9) шкафы: первый, картина на немъ, второй или 3) кресла (сколько) четыре, 3,2 одинаковаго или разнаго фасона, всѣ сколько два три. Судьи при рѣшеніи должны были зачеркнуть все то, что они не признаютъ за предметы, стоявшіе въ комнатѣ. Также были формулированы вопросы о лицахъ, находившихся въ комнатѣ, напримѣръ: 1) играющая на піанино, ея платье, длинное, короткое, полудлинное, богатое, изящное, свѣтлое, темное, поза ея, волосы, распущены, прическа, возрастъ ея, перечень предметовъ кончался вопросомъ, что это была за комната гостинная, мастерская художника или что другое. Вопросы о лицахъ кончались: мать или гувернантка женщина № 4. Наконецъ требовалось нарисовать планъ комнаты и размѣстить въ ней предметы и лицъ. Передача этого перечня вопросовъ слишкомъ рано оказалось не вполнѣ удачной, такъ какъ повела за собою значительное удлинненіе процесса, первымъ свидѣтелямъ судьи пытались предлагать вопросы чуть ли не по всѣмъ вопроснымъ пунктамъ...

Затѣмъ всякій свидѣтель при самомъ началѣ допроса (который производился общимъ судебнымъ порядкомъ, т. е. свидѣтели вводились по одиночкѣ, сначала разсказывали, что знали, затѣмъ подвергались перекрестному допросу сторонъ и наконецъ уже судей) чертилъ на доскѣ планъ комнаты съ лицами и предметами въ ней. Наконецъ предупреждалось, что слова правый и лѣвый считаются всегда отъ смотрящаго на картину. Передавать здѣсь подробности свидѣтельскихъ показаній нѣтъ возможности. Необходимо отмѣтить только, во первыхъ увеличеніе общаго числа ошибокъ въ показаніяхъ, объясняющееся отчасти прошедшимъ временемъ, отчасти тѣмъ что теперь черезъ три, четыре недѣли послѣ воспріятія предлагался цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ. Вотъ нѣкоторыя новыя ошибки: ваза для визитныхъ карточекъ превратилась въ вазу съ визитными карточками, столъ оказался

покрытымъ скатертью, перенесенной очевидно съ піанино, картины стали висѣть всѣ выше шкапа, на круглой этажеркѣ, т. е. на столикѣ вазѣ оказалось двѣ полки, табуретка стала вертящейся, шкапъ или книжнымъ или со стеклянными дверцами, появились стѣны правая, лѣвая съ окнами или дверьми свѣтъ слѣва и т. п. Далѣе рядъ категоричныхъ отрицаній цѣлаго ряда предметовъ и шкаповъ и ширмъ и стола и т. д. Наконецъ, неясныя воспоминанія появились о томъ что раньше указывалось точно, напримѣръ альтернативныя указанія, что дѣвочка была не то въ креслѣ, не то на колѣняхъ у матери. Наконецъ одинъ изъ слушателей передалъ, что въ комнатѣ слѣва у камина стояла вторая дама, одѣтая въ простое платье. Съ другой стороны нѣкоторые свидѣтели дали на вопросы, только теперь предложенные, нѣкоторыя мелкія и очень точныя подробности, напримѣръ описаніе платья дамы, какъ цѣльнаго безъ особой отдѣлки, описаніе ширмъ, оригинальности низенькаго столика за кресломъ матери и т. п. Судьи, какъ я уже говорилъ, принимали горячее участіе въ допросѣ свидѣтелей, и увлеченіе иногда доходило до того, что забывали, что дѣло идетъ о картинѣ комнаты, а не о самой комнатѣ

Перейдемъ теперь къ судейскимъ рѣшеніямъ. Разбирать ихъ отдѣльно каждое нѣтъ возможности отчасти по недостатку времени, отчасти матеріаловъ, такъ какъ судьи рѣшенія свои не мотивировали, за немногими случаями, когда тотъ или другой судья считалъ необходимымъ подчеркнуть, почему въ данномъ случаѣ онъ остановился на этомъ рѣшеніи напримѣръ: опредѣляя, что комната гостинная; зато они доставили позднѣе отвѣты на вопросъ о томъ, что заставляло ихъ признавать за достовѣрное то или другое показаніе. Ограничимся поэтому общими замѣчаніями о шести рѣшеніяхъ, о рѣшеніяхъ судей свидѣтелей скажемъ позже. Первое, что бросается въ глаза это то, что они гораздо болѣе взаимно совпадаютъ, чѣмъ свидѣтельскія показанія, второе то, что ими всѣми единогласно отринуты наиболѣе грубыя ошибки свидѣтелей—ни второй дамы, ни ребенка на полу въ нихъ не признано,—третье, что ошибокъ въ нихъ въ среднемъ менѣе, чѣмъ въ свидѣтельскихъ показаніяхъ. Результатъ слѣдовательно положительный: рѣшенія лучше свидѣтельскихъ показаній. Всѣ указанныя достоинства приходится однако оговорить. Если рѣшенія взаимно совпадаютъ гораздо болѣе свидѣтельскихъ показаній,

то всетаки другъ отъ друга они отличаются: изъ нихъ два являются чрезвычайны осторожными при признаніи наличности тѣхъ или иныхъ предметовъ въ комнатѣ. Эти два рѣшенія (планы ихъ первые слѣва) принадлежатъ оба единоличнымъ судьямъ. Второе изъ нихъ даетъ минимумъ предметовъ признанныхъ рѣшительно всѣми рѣшеніями—это и есть все то, въ чемъ всѣ рѣшенія сходны. Первое прибавляетъ еще одинъ предметъ не, опредѣляя его и указывая его мѣсто у правой стѣны, то есть по видимому признаетъ наличность этой стѣны, хотя на планѣ ея не чертитъ, замѣчу кстати, что, если судьи чертятъ повидимому всѣ четыре стѣны на своихъ планахъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что они признали ихъ наличность. Этотъ предметъ не подъ однимъ впрочемъ названіемъ признанъ всѣми остальными рѣшеніями. Мы помѣщаемъ это рѣшеніе первымъ, какъ признававшее съ наибольшею требовательностію отдѣльныя подробности картины, несмотря на то, что здѣсь признано однимъ предметомъ болѣе, чѣмъ на второмъ, на томъ основаніи, что рѣшеніе особенно строго отнеслось ко всѣмъ подробностямъ позъ и одежды лицъ бывшихъ въ комнатѣ, найдя возможнымъ установить только очень и очень немного подробностей, и что, давая число мебели оно отказалось опредѣлить, какова она была т. е. стулья, кресла, табуретки и т. д. Довольно строго и одно изъ коллегіальныхъ рѣшеній, дающее такое же количество предметовъ, признавая при этомъ и предметъ за дамой, опредѣляя его какъ столъ большинствомъ двухъ, противъ одного, видящаго въ немъ конецъ кушетки. Остальныя три рѣшенія допускаютъ предметы значительно свободнѣе, при чемъ всѣ три правильно кресло у ширмы, а два неправильно этажерку. Изъ всѣхъ шести рѣшеній, только коллегіи двухъ удалось останавливаться почти на вѣрной границѣ и сдѣлать по этому наименѣе и опущеній и ошибокъ. Второю оговоркою будетъ, что если ошибокъ значительно здѣсь менѣе, чѣмъ въ показаніяхъ свидѣтелей, то всетаки ни одного рѣшенія, нѣтъ безошибочнаго, это во первыхъ, а во вторыхъ въ рѣшеніяхъ имѣются не только существенныя опущенія предметовъ, но и признается наличность не существовавшихъ, то предметовъ, то подробностей. На опущеніяхъ въ отдѣльныхъ рѣшеніяхъ останавливаться особенно долго не приходится: здѣсь сыграло особенно въ одномъ изъ рѣшеній установленная во время опыта необ-

ходимость очень строго относиться къ устанавливаемому, предполагая, что признаніе того или другого предмета могло влечь за собою осужденіе преступника. Болѣе интересны опущенія общія всѣмъ рѣшеніямъ. Сюда принадлежатъ: во первыхъ наличность не болѣе шести картинъ, опущеніе, лежащее вполнѣ на свидѣтеляхъ: ни одинъ изъ двѣнадцати ни воспринялъ нижней части самой верхней картины и всего одинъ, не дававшій къ сожалѣнію устныхъ показаній, что имѣлось и изображеніе обнаженнаго мужчины; во вторыхъ непризнаніе ни кѣмъ камина (шкапа) въ правомъ углу: только одно рѣшеніе ставитъ въ то мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ бы стоять столъ. Одна изъ колегій помѣщаетъ туда этажерку, между тѣмъ одинъ изъ свидѣтелей категорически указалъ этотъ шкапъ на планѣ, а другой—припоминая на вопросъ, что тамъ стояло что-то съ выступомъ по серединѣ, почему лицо, помѣстившее въ уголъ своего плана, этажерку сочло возможнымъ помѣстить еще особый предметъ у правой стѣны, назвавъ его трюмо. Третье: осталось мало выясненнымъ, большая или не большая часть комнаты была видна на картинкѣ; большинство встало видимо за первое предположеніе, что естественно, такъ какъ большинство свидѣтелей указывало то правую, то лѣвую стѣну, а нѣкоторые обѣ боковыя и только два всего одну. Что касается собственно ошибокъ, то здѣсь прежде всего приходится отмѣтить превращеніе нѣкоторыхъ предметовъ въ другіе, такъ признана была кушетка, объясненіе легко и высказывалось оно неоднократно во время суда, когда свидѣтели описывали низкій предметъ за кресломъ дамы и, когда другіе разрушили точнымъ указаніемъ на существованіе ножекъ предположеніе, что это сундукъ; признано кресло дамы однимъ изъ судей качалкой, наконецъ два рѣшенія признали этажерку, признавали ее и обѣ стороны, объясняется это тѣмъ, что этажерка была истолкованіемъ стола или столика въ видѣ вазы, превратившимся потомъ въ реальный фактъ. Что касается лицъ, то положеніе дамы было дано почти всѣми вѣрное, всего одинъ призналъ ея руки закинутыми за голову, какъ это доказывала одна изъ сторонъ, поза играющей, платье даны вѣрно почти всѣми, за то дѣвочки справа и слѣва, смогли быть охарактеризованы только свѣтлыми, короткими платьями, съ распущенными волосами. Сами позы были переданы большинствомъ невѣрно въ томъ числѣ и самыми осторожными рѣшеніями,

дѣло въ томъ, что большинство свидѣтелей забыло разницу этихъ позъ и то къ одной то къ другой, примѣняло позу: подперла ручкою щеку. Большинство судей приняло, что это равносильно выраженію другихъ оперлась на піянино, поэтому все это и относилось главнымъ образомъ къ дѣвочкѣ слѣва.

Уже послѣ опыта, при изложеніи результата его въ аудиторіи, мы просили судей, дать отвѣты на вышеупомянутые вопросы. Спрашивалось именно: не былъ ли уже имъ тотъ или другой свидѣтель извѣстенъ за достовѣрнаго или наоборотъ— вопросъ былъ необходимъ потому во 1 хъ, что судьи и свидѣтели могли хорошо другъ друга знать, а во вторыхъ при измѣненіи программы еще до суда стороною сказалось и недовѣріе къ свидѣтелю, полученное при первомъ опытѣ судебнаго разбора; всѣ судьи отвѣтили на этотъ вопросъ отрицательно, но одинъ изъ нихъ указалъ, что лично его знакомство съ однимъ изъ свидѣтелей и убѣжденіе его въ томъ, что тотъ человѣкъ обстоятельный, заставляло его ему особенно вѣрить, дальнѣйшій вопросъ былъ о вліяніи характера показанія, предлагалось отвѣтить и подкрѣпить примѣрами (что было исполнено почти всѣми) вліяніе количественной детальности показанія, понимая подъ ней, что свидѣтель передаетъ сравнительно съ другими очень много фактовъ, затѣмъ качественной детальности—свидѣтель независимо отъ того много или мало знаетъ фактовъ тѣ, которые передаетъ, передаетъ съ подробностями, наконецъ о вліяніи увѣренности—тона свидѣтеля. Очень немногіе признали благопріятное вліяніе количественной детальности, развѣ лишь, когда она совпадаетъ съ другими указанными свойствами показанія, одинъ даже подчеркиваетъ неблагопріятное ея вліяніе: показанія свидѣтелей, говорившихъ о ребенкѣ на полу и второй дамѣ, и по другимъ вопросамъ заподазривались. Что касается качественной детальности, то всѣ, кромѣ одного, придавали ей большое значеніе и сопровождаютъ рядомъ указаній на рѣшающее ея значеніе при сомнѣніи и разногласіи показаній, такъ признаніе большинствомъ содержанія шести картинъ приписывается всецѣло одному показанію, одному же только изъ показаній приписываютъ нѣкоторые судьи признаніе ими за столъ предмета за кресломъ матери. Интересны отвѣты объ убѣжденности и особенностяхъ тона свидѣтеля въ тѣхъ случаяхъ, когда они ведутъ за собою отрицательное отношеніе къ свидѣтелю, такъ какъ при положительномъ воз-

дѣйствіи на судью убѣжденности они часто сливаются отвѣчающими съ качественною детальностью. Такъ одинъ судья причисляетъ одного изъ свидѣтелей къ наиболѣе убѣжденнымъ, другой, находя его тонъ насмѣшливымъ, заподазриваетъ все его показаніе цѣликомъ.

Несомнѣнно что совпаденіе показаній имѣло существенное значеніе при рѣшеніи: пьянино, картины представляются всѣмъ безспорными, это и было удостовѣрено почти всѣми, любопытно отмѣтить, что особенно судьи, признавшіе малое количество предметовъ особенно настаиваютъ на значеніи этого признака, послѣднимъ вопросомъ спрашивалось, кто изъ свидѣтелей на судей произвелъ впечатлѣніе наиболѣе или наименѣе достовѣрнаго. Отвѣты, данные здѣсь, обнаруживаютъ чрезвычайное разнообразіе во всемъ, кромѣ одного пункта только одно лицо указало свидѣтеля (планъ шестой) вторымъ по достовѣрности, предпочтя ему седьмого, всѣ остальныя единодушно поставили этого свидѣтеля первымъ, но за то всѣ остальные свидѣтели размѣщены отдѣльными судьями чрезвычайно различно, свидѣтель, поставленный однимъ судьею вторымъ по достовѣрности, другимъ опредѣляется какъ такой, на показаніе котораго онъ не могъ обратить никакого вниманія, третьимъ тотъ же свидѣтель указывается третьимъ въ разрядѣ достовѣрныхъ, а четвертый переноситъ его на такое же мѣсто, но въ категорію недостовѣрныхъ, нѣчто весьма анологичное имѣется съ другимъ. Почти всѣ считаютъ за недостовѣрныхъ свидѣтелей, указавшихъ излишнихъ лицъ, однако одинъ изъ судей считаетъ одного изъ нихъ однимъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ.

Остается сказать еще о двухъ послѣднихъ рѣшеніяхъ, принадлежащихъ лицамъ, которыя видѣли до процесса картинку. Привлеченіе ихъ въ судьи объяснялось слѣдующимъ соображеніемъ. Издавна въ процессуальныхъ законодательствахъ существуетъ положеніе, что судья судитъ исключительно по матеріалу, полученному имъ при разборѣ дѣла, а не внѣ суда. Отсюда требованіе, чтобы роли судьи и свидѣтеля не совмѣщались. Положеніе это исторически сложилось подъ вліяніемъ недовѣрія къ судьямъ, однако твердо держится до сихъ поръ, вызывая однако подчасъ нападки на себя, и упреки защитникамъ его въ пристрастіи къ формализму судебныхъ разбирательствъ: зачѣмъ, спрашивается, удостовѣрять-

ся черезъ другихъ, если самъ судья видѣлъ лично происшествіе? Проф. Шмидтъ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ процессуалистовъ напечаталъ цѣлое небольшое изслѣдованіе [1]) по этому поводу, гдѣ доказывалъ, что и теперь, когда мы судьѣ довѣряемъ, правило это должно быть сохранено въ виду данныхъ психологіи, указывающихъ на легкую возможность неправильныхъ воспріятій и особую убѣжденность въ нихъ. Опытъ нашъ довольно удачно подтвердилъ эти положенія. Одинъ изъ судей закончилъ свое рѣшеніе такъ: „всѣ отвѣты я далъ исключительно изъ сопоставленія свидѣтельскихъ показаній. Но самъ, какъ свидѣтель, могу, показать слѣдующее, отличное отъ выведенныхъ данныхъ: я *хорошо* помню, что *двѣ* картинки, (надъ піанино) довольно ясны: 1) обнаженная женщина 2) голова мужчины, послѣдней ни одинъ свидѣтель не показалъ. Что касается ширмы, то я почти навѣрняка утверждаю, что ихъ не было. Кресла одного фасона. Это я *утверждаю*". Мы видимъ такимъ образомъ, что сильныя невѣрныя воспріятія остались для этого судьи субъективно вѣрными, несмотря, на то, что 8 лицъ ихъ опровергали, какъ очевидцы. Интересно также, что, подавивъ въ себѣ свидѣтеля, судья этотъ въ рѣшеніи далъ напр. правильно признаніе наличности ширмъ, хотя было цѣлыхъ 4 свидѣтеля, утверждавшихъ противное—показаніе ихъ съ судейской точки зрѣнія показалось ему не доказательнымъ.

Другой судья свидѣтель далъ рѣшеніе одно изъ самыхъ правильныхъ—его свидѣтельское показаніе изъ пятиминутныхъ принадлежало къ числу самыхъ точныхъ. Стоитъ отмѣтить, что и онъ, какъ первый, отличалъ въ себѣ судью и свидѣтеля, но выбралъ другую систему писанія рѣшенія, отмѣчая прямо въ немъ, но съ оговоркою, за признанные тѣ факты, которые только какъ судья, несмотря на предварительное знаніе истинности ихъ, онъ утверждать не рѣшился бы, напр. второй шкапъ справа. Предварительное знаніе, можетъ быть впрочемъ уже недостаточно ясное къ разбору, не избавило однако его отъ ошибокъ въ рѣшеніи—спутанность въ показаніяхъ о позахъ дѣвочекъ отразилась и на его рѣшеніи, отступающемъ незамѣтно для него самого отъ его свидѣтельскаго воспоминанія ****).

---

[1]) Die aussergerichtliche Wahrnehmungen des Prozessrichters 1892.

Еще два слова объ опытѣ. Дѣлать какія нибудь обобщенія изъ него довольно трудно. Изъ того, что у насъ $^2/_3$ коллегіальныхъ судовъ обнаружили наклонность къ болѣе свободному признанію наличности предметовъ, тогда какъ наоборотъ $^2/_3$ единоличныхъ обнаружили какъ разъ обратную тенденцію, конечно даже и въ видѣ предположенія нельзя еще высказывать, какъ обобщеніе, что здѣсь именно сказалось коллегіальность. Зато показанія судей и самыя ихъ рѣшенія достаточно ясно показываютъ, что въ нихъ слагалось убѣжденіе въ томъ, что свидѣтель вообще достовѣренъ или вообще недостовѣренъ, что и отражалось затѣмъ на признаніи ими наличности и другихъ фактовъ, утверждаемыхъ достовѣрнымъ свидѣтелемъ, такъ и въ не обращеніи вниманія на разныя детали показанія свидѣтеля недостовѣрнаго. Опыты Штерна и Бинэ важны тѣмъ, что не отрицая значенія индивидуальныхъ особенностей свидѣтеля, они наглядно показываютъ, что всѣ свидѣтели ошибаются, и что для отысканія истины необходимо каждый разъ обращать на это вниманіе и постараться изыскать причину ошибки. Въ нашемъ случаѣ почти единогласно признанъ наиболѣе достовѣрнымъ свидѣтелемъ 6-ой по порядку плановъ, достаточно взглянуть на планы судей, чтобы убѣдиться, что именно его планъ лежитъ въ основѣ ихъ. И дѣйствительно его показанія оказываются въ общемъ наиболѣе вѣрно передающими картинку, и тѣмъ не менѣе именно ему почти всѣ судьи обязаны тѣмъ, что число картинъ установлено въ 6. Его же показаніе, необычайно точно передавши содержаніе 6 картинъ, заставляло однако судей энергично отклонять, что картины могутъ говорить за то, что это не гостинная, такъ какъ свидѣтель категорически отвергъ предположеніе, что одна изъ картинъ висѣла на шкапу и удостовѣрилъ, что всѣ картины висѣли въ одинъ рядъ. Къ показаніямъ свидѣтелей, сдѣлавшихъ какой нибудь промахъ, въ большинствѣ относились и вообще отрицательно: такую участь испытали свидѣтель, помѣстившій піанино къ правой стѣнѣ, и лица, увидѣвшія вторую даму или ребенка на полу. Между тѣмъ въ ихъ показаніяхъ было кое что весьма цѣнное. Остановимся напр. на первомъ. Слѣдовало задаться вопросомъ какимъ образомъ произошла эта ошибка, т. е. приставленіе піанино къ правой стѣнѣ. Свидѣтель разсматривалъ картинку совмѣстно съ двумя другими въ те-

ченіе пяти минутъ и только одну минуту изъ этого времени могъ имѣть ее прямо передъ собою, между тѣмъ онъ сидѣлъ крайнимъ лѣвымъ, поэтому вся сцена перемѣщалась для него на правую сторону и это перемѣщеніе сказалось особенно рѣзко потому, что, какъ мы немедленно убѣждаемся при взглядѣ на картину, задняя стѣна комнаты изображена вовсе не параллельной съ плоскостью бумаги, на которой она нарисована; если бы причина ошибки была выяснена, то тогда удалось бы исправить общую всѣмъ планамъ судей и свидѣтелей ошибку. Истина оказывается лежащей по серединѣ признаннаго большинствомъ недостовѣрнымъ свидѣтеля, съ одной, и всѣми остальными, съ другой стороны. Гдѣ причина двухъ другихъ рѣзкихъ ошибокъ? Ребенокъ объясняется довольно легко. Одна изъ сторонъ правильно указала, что здѣсь свидѣтель находился вѣроятно подъ вліяніемъ воспринятой имъ картинки, какъ мирной семейной сцены и возсоздавая ее, дополнилъ обычнымъ для семейной сцены аксесуаромъ, ползающимъ на полу ребенкомъ. Примѣры такихъ ассоціацій намъ уже хорошо извѣстны изъ опытовъ и Штерна и Бинэ. Болѣе затруднительна для объясненія вторая дама. Можно сдѣлать два предположенія, или здѣсь дѣйствовала извѣстная намъ по опытамъ Штерна наклонность къ умноженію или же причина кроется въ слѣдующемъ. Мы уже говорили, что вопросы, о дамѣ задавались нами съ умышленнымъ обозначеніемъ ея то дамой, то матерью, то гувернанткою, вотъ эти вопросы: острижены волосы у дамы или нѣтъ? Что держитъ въ рукѣ мать? Обѣ ли ноги гувернантки стоятъ на мѣховомъ коврѣ? Вопросы эти объяснялись во первыхъ тѣмъ, что разные свидѣтели разно называли эту даму и какъ разъ тремя этими терминами, во вторыхъ желаніемъ посмотрѣть, не могутъ ли они повести въ результатѣ къ внушенію свидѣтелямъ присутствія не одной только дамы на картинкѣ. Такъ какъ нѣкоторые на третій вопросъ отвѣчали „не помню“—это сдѣлалъ и тотъ свидѣтель, о которомъ мы сейчасъ говоримъ, и не оговаривали подобно другимъ (почему не мать? или почему гувернантка), то при повтореніи вопросовъ данъ былъ контрольный вопросъ о числѣ лицъ въ комнатѣ. Нашъ свидѣтель, какъ и всѣ остальные отвѣтили на него 4. Такимъ образомъ внушенію онъ не поддался. Не было ли его показаніе на судѣ безсознательнымъ построеніемъ на почвѣ неясныхъ воспоминаній объ этихъ вопросахъ? По край-

ней мѣрѣ при опытахъ еще съ одной картинкой, о которой намъ приходилось уже упоминать, но которыхъ мы не передаемъ подробно, такъ какъ они были произведены только надъ шестью лицами, а по техникѣ совпадали съ полученіемъ письменныхъ показаній о картинкѣ „Въ мастерской", совершенно аналогичный вопросъ: „Видна ли вся нога маркера" на ряду съ вопросами о другомъ играющемъ, какъ о стоящемъ игрокѣ, далъ въ результатѣ или правильные, или неправильные отвѣты, но которые относились явно къ цѣлящемуся игроку, что видно было какъ изъ указанія, что въ комнатѣ всего два лица, такъ и изъ замѣчаній, почему маркеръ, а не товарищъ стоящаго? Но сверхъ того, одинъ отвѣтъ при повторномъ показаніи удостовѣрилъ, что отъ маркера была видна одна нога и что лицъ въ биліардной было трое. Любопытно еще отмѣтить, что замѣну своего прежняго показанія „не замѣтилъ" этимъ новымъ испытуемый объяснилъ тѣмъ, что въ правильности новаго отвѣта онъ убѣдился послѣ разговора съ товарищемъ. Вѣроятно это тотъ изъ испытуемыхъ, не давшій вторичнаго показанія съ контрольнымъ вопросомъ, который отвѣтилъ да, безъ всякихъ оговорокъ.

Практическая цѣль нашего суда была достигнута—принимавшіе участіе въ немъ—и свидѣтели и судьи съ жадностью разсматривали послѣ разбора „истину" и между свидѣтелями были лица до такой степени, не могшія узнать въ картинкѣ только что переданное ими воспріятіе о ней, что они готовы были думать, что теперь предъявляется не прежняя картинка; а одинъ изъ коллегіальныхъ судей, бывшій до дня суда совершенно незнакомымъ съ опытами Штерна, только послѣ категорическаго увѣренія одного изъ экспериментаторовъ отказался отъ мысли подать особое мнѣніе, въ которомъ онъ хотѣлъ изложить, что вѣроятно нѣкоторымъ свидѣтелямъ показывалась не одна и та же картинка, а только похожія.

Необходимость считать ошибки въ показаніяхъ свидѣтелей *за нормальный фактъ* и необходимость изучать ихъ причины была показана воочію.

V.

Подтверждая эмпиризмъ современнаго процесса, выводы опытовъ Штерна и Бинэ ничуть не ведутъ процессуалиста

къ отчаянію. Пусть они приведутъ его къ самымъ неожиданнымъ результатамъ и относительно отдѣльныхъ институтовъ современнаго процесса, какъ то устность, перекрестный допросъ, и относительно всей настоящей системы доказательствъ, они положительны, такъ какъ, въ то же время, открываютъ ему широкіе горизонты новыхъ путей къ познанію матеріальной истины. Научное выясненіе недостовѣрности показаній, на которыхъ зиждется приговоръ современнаго суда, является не тупикомъ, передъ которымъ долженъ остановиться человѣческій прогрессъ, но, напротивъ, исходнымъ пунктомъ къ достиженію новаго, несравненно болѣе близкаго къ объективной дѣйствительности знанія. Изучивъ искажающее дѣйствіе тѣхъ или иныхъ побочныхъ вліяній, и въ особенности внушенія, будетъ, быть можетъ, возможно въ той или другой степени избѣгать или парализовать эти вліянія. Выясняя вліяніе на степень достовѣрности показанія пола, возраста, технической подготовленности и пр., мыслимо найти важные опорные пункты въ оцѣнкѣ противорѣчивыхъ показаній. Быть можетъ, при дальнѣйшемъ изученіи удастся связать характерныя черты воспріятія ближайшимъ образомъ съ индивидуальностью человѣка,—и по предварительному испытанію свидѣтеля уже получить возможность судить о степени нормальной достовѣрности его показаній.

Иллюстрируемъ это примѣромъ. Бинэ пытался выяснить соотношеніе между степенью, въ которыхъ то или другое данное лицо проявляетъ непроизвольныя физическія движенія, и той степенью, въ которой человѣкъ поддается внушенію. Ему не удалось, однако, установить связи между этими формами, если можно такъ выразиться, физическаго и духовнаго автоматизма.

Такимъ образомъ, можетъ быть обманута надежда антрополога уже по физическимъ свойствамъ человѣка судить о его качествѣ, какъ свидѣтеля. Однако, Бинэ удалось сопоставленіемъ индивидуальныхъ результатовъ опытовъ съ линіями и съ вопросами установить значительную близость между степенью самовнушаемости и внушаемости извнѣ субъекта, хотя и здѣсь были довольно рѣзкія отклоненія. Такимъ образомъ, есть основаніе надѣяться, что экспертиза свидѣтеля, которую уже и теперь предлагаютъ нѣкоторые, напр. Klaussmann [1]), мо-

[1]) Zeugen Prüfung въ Archiv f. Kriminal-Anthropologie und Kriminalistik. B. I. 1899. S. 38—60.

жетъ быть создана на твердыхъ научныхъ основаніяхъ.

---

*) На неопредѣленность счета Штерномъ ошибокъ указываетъ Jaffa въ его статьѣ Ein psychologisches Experiment im Kriminalistischen Seminar der Universität Berlin S. 82 первой тетради, вышедшей уже по прочтеніи этого доклада, новаго предпринятаго Штерномъ въ сотрудничествѣ съ другими (изъ юристовъ проф. Ф. Листъ, Лиліенталь и Г. Гроссъ) журнала Beiträge zur Psychologie der Aussage L. 1903, какъ видно уже изъ заглавія, спеціально посвященнаго разработкѣ вопроса о свидѣтельскихъ показаніяхъ. Болѣе суровъ пр.-доцентъ (Цюрихъ) Wreschner, сообщающій результаты повторенія имъ опытовъ Штерна на картинкѣ Дѣдушка въ статьѣ Zur Psychologie der Aussage, появившейся въ также дошедшей до Казани уже по прочтеніи этого доклада первой тетради также новаго журнала Archiv für die gesamte Psychologie hrsgg. v. Meumann L. 1903, гдѣ (S. 152) онъ говоритъ: die erwähnte Liste teilt er (W. Stern) uns ebenfalls nicht mit und schon ein Blick auf die komplizierten Bilder belehrt, dass stricto sensu sich solche Listen gar nicht anfertigen lassen.

**) Къ иному выводу пришелъ Wreschner. По его даннымъ (опытъ производился, какъ и у Штерна надъ студентами всего 5 и студентками 7) женщины въ среднемъ давали по 60, 9 данныхъ въ томъ числѣ по 14,3 ошибочныхъ (23,5%), тогда какъ мужчины по 57,4 при 17,6 ошибочныхъ (30,7%), т. е. „выводы Штерна подтверждаются только въ томъ отношеніи, что женщины даютъ больше подробностей (mehr Angaben), зато мужчины въ разрѣзъ съ результатами Штерна больше ошибокъ“. Это данныя, полученныя Врешнеромъ при его Prüfungsmethode (т. е. mémoire forcée Binet). При разработкѣ имъ первыхъ двухъ показаній тѣхъ же лицъ, но данныхъ безъ вопросовъ (по Prüfungs methode давались третьи) результатъ былъ: у мужчинъ 9,2 и 14,3%, у женщинъ 12,6 и 11,8% ошибочныхъ, т. е. и здѣсь уже при вторичномъ показаніи женщины оказались лучшими свидѣтелями. Врешнеръ оговариваетъ однако, что въ среднемъ женщины находились при его опытахъ въ лучшихъ условіяхъ (меньшій

промежутокъ времени между воспріятіемъ и показаніями). S. 161. Archiv f. ges. Psychol. I B. 1. Heft.

***) Теперь описаніе это появилось въ Beiträge zur Psychologie der Aussage H. I SS. 79—99.

****) Для сравненія судейскихъ рѣшеній и свидѣтельскихъ показаній на судѣ въ опытѣ съ картинкою Rixens, Dans l'atelier, даемъ слѣдующую таблицу.

На ней + обозначаетъ правильный отвѣтъ,

— ошибочный;

? у судей non liquet, а у свидѣтелей запамятованіе;

? при + или — оговорку въ неувѣренности показанія,

† рѣшеніе по большинству голосовъ;

†† указаніе судьи свидѣтеля, что онъ рѣшаетъ по своему воспоминанію.

* совпаденіе, а

** не совпаденіе рѣшенія судьи-свидѣтеля съ его показаніемъ до суда.

№№ по порядку (въ скобкахъ №№ плановъ)	№№ плановъ / Судьи должны были признать или отвергнуть наличность слѣдующихъ лицъ, предметовъ и ихъ признак.	Свидѣтельскія показанія						
		1	2	3	4	5	6	7
		число показаній до суда						
		1	2	2	2	3	3	3
1 (1)	піанино	+	+	+	+	+	+	+
2	на немъ ноты . . .		+	—		+	+	+
3 (2)	коверъ	+	+			—	—	—
4	на немъ медвѣжья шкура	+				+?	+	+
5 (3)	кресла	+	+	+	+	—	+	+
6	сколько ихъ	—	—	—			+	+
7	одинаковаго ли они фасона	—					—	—?
8 (4)	стулья.	+		+		—	+	+
9 (5)	табуретка	—	+	+	—	+	+	+
10 (6)	столъ	+		—	+	—	+	—
11	предметы на немъ .	?		+	+		—	+
12 (7)	столикъ-ваза на трехъ ножкахъ	+	+	+	+	+	+	+
13	предметы на немъ. .	—	+			—	+	—
14 (8)	ширмы.	—	—	+	+	—	+	+
15 (9а)	шкапы: первый. . .	+	+	+	—	—	+	+
16	картина на немъ .	+					—	+
17 (9б)	второй (каминъ) . .	+	—	—	+	—	—?	—
18 (11)	этажерка.	+	—	+	—	—		—?
19 (16)	картины	+	+	+	+	+	+	+
20	ихъ число.	—	—	—	—	—	—	—

Судейскія рѣшенія							
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
единоличныя			коллегіальныя			судьи-свидѣтели	
+	+	+	+	+	+	+*	+*
+	+	+	+	+	+	+	+*
+	+	+	—	+	+	+*	+*
+	+	+	+	+	+	+	+*
?	+	+	+	+	+	+	+*
+	—	+	—	+	+†	—	+**
	+	—	+	—	—	+**	+*
?	+	+	+	+	+	+	+
—	+	+	—†	+	+	+	+*
—	—	+	—†	+	+	+*	+*
—	—	+	—	+	+	?	+*
+	+	+	+	+	+	+*	+*
+?	—	—	—		—	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+*
+	+	+	+	+	+	+*	+*
—	—	+	—	+	—	—*	+*
—	—	—	—	—	—	—	+††*
+	+	—	+	+	+†	+*	+*
+	+	+	+	+	+	+*	+*
—	—	—	—	—	—	—*	—*

	ихъ сюжеты:							
21	а) голова дѣвушки .	?	?	+	+	?	+	?
22	б) сидящая женщина во весь ростъ . .	?	?	?	?	?	+	?
23	в) неясныя.	?	?	?		?	+	?
24	г) дѣвушка вяжетъ	?	?	?	?	?	+	?
25	д) обнаженная женщина	+	+	?	+	—?	+	+
26	е) обнаженный мужчина	—		—	—	—?	—	—
27	еще предметы . . .	+				+	+	+
28(I)	играющая на піанино	+	+	+	+	+	+	+
29	длина ея платья . .	—	+	+	+	—	+	—
30	цвѣтъ его	+	+?		?	+	+	+
31	ея поза	+	+	+	+	+	+	+
32	прическа ея волосъ.	+	+	+	—	+	+	—
33	ея возрастъ	+	+	+	+	+	+	—
34(II)	дѣвочка слѣва отъ играющей	+	+	+	+	+	+	+
35	ея возрастъ	+	+	+	+	+	+	+
36	ея поза	—	—		—	+	—	—
37	прическа волосъ . .	+	+		—	—	+	+
38	ея платье его длина.	+				+	+	+
39	цвѣтъ его	?	+			+	+	+
40	богатое оно или бѣдное	+	+		+	+	+	—
41	обнажены ли ея руки	?		+		+	?	—
42(III)	дѣвочка справа отъ играющей	+	+	+	+	+	+	+
43	ея поза.	—		+	—	+	—	+

−	+	+	−	+	−	−	+
−	+	+	−	+	−	−	+
+	+?	+	−	+	−	+	+*
−	+	+	−	+	−	−	+
+	+	+	+	+	+	+*	+*
−	−	−	−	−	−	−*	−*
+?	+	−?	+	+	+†	+	+
+	+	+	+	+	+	+*	+*
?	+	+	+	+	+	+*	+*
?	+	+	+	+	+	+*	+*
+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+*	+*
+	+	+	+	+	+	+	+*
+	+	+	+	+	+	+*	+*
+	+	+	+	+	+	+	+*
−	−	−	+	+	−	+*	−**
+	+	+	+	+	+	+*	+*
−	+	+	+	+	+	+	+*
−	+	+	+	+	+	+	+*
?	?	−	+	?	−	+	+
+	+	+	+	+	+†	−	+
+	+	+	+	+	+	+*	+*
?	−	−	−	−	−	−	−**

44	прическа волосъ. . .	+	+		—	+	+	+	+
45	цвѣтъ ея платья . .	?	+		—	+	+	+	+
46	длина его.	+	+		+	+	+	+	?
47	обнажены ли ея руки	—		+	—	+	—	—	+?
48(IV)	ближайшая къ зрителю женщина . . .	+	+	+	+	+	+	+	+
49	ея возрастъ	+	+	+		+	+	+	+
50	ея поза	+	+	+	+	+	+	+	+
51	положеніе ногъ. . .	+	+		+	+	+	+	+
52	положеніе рукъ. . .	?			?	—	—	+	?
53	прическа волосъ . .	+			?	+?	+	+	—
54	есть ли кто или что либо у нея на колѣняхъ	—	—	+	—	+	+	+	—
55	ея платье, его цвѣтъ.	?	+		+		+	+	+
56(V)	ребенокъ на полу .	+	+	+	—	+	+	+	+
57	его признаки. . . .				—				
Дано всего		45	38	33	38	47	54	52	49
Изъ нихъ: правильно . . .		33	31	27	23	32	43	37	34
ошибочно . . .		12	7	6	15	15	11	15	15
въ %		26,6	18,4	18,2	39,5	31,9	20,4	28,8	30,
		27%							

?	+	+	+	+	+	+	+*
?	+	+	+	+	+	+	+
?	+	+	+	+	+	+	+
—	—	—	+	—	—	+	—
+	+	+	+	+	+	+*	+*
+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+*
+	+	+	+	+	+	+	+*
+	—	—	?	+	+†	+	+††*
+	+	+	+	+	+	+	+*
+	+	—	+	+	+	+*	+*
?	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+
						[1])	
45	55	56	55	54	56	55	56
31	43	43	40	48	42	45	51
14	12	13	15	6	14	10	5
1,1	21,8	23,2	27,3	11,1	25	18,2	9
				20,6% [2])			

[1]) Ср. сказанное на стр. 39.

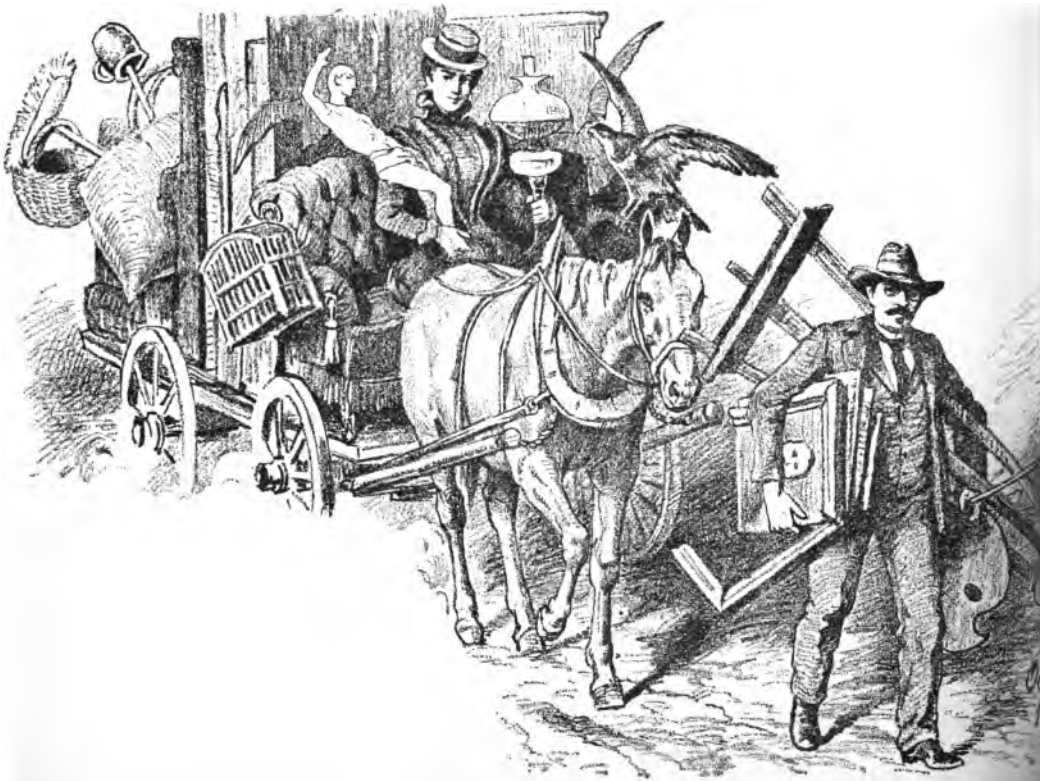
[2]) Если исключить судей свидѣтелей, то % повысится до 23. Это не нарушетъ указаннаго лучшаго качества рѣшеній передъ показаніями: достаточно, помѣ сказаннаго на стр. 34, взглянуть на прилагаемые планы.

Отмѣчаемъ еще рядъ данныхъ изъ показаній свидѣтелей									
58	стѣны	—	—	—	—	—	+	—	+
59	двери		+		—				
60	окна	+		—		+		+	
61	камины или печи .		—			+		+	
62	подсвѣчники на № 1.			+					
63	статуэтка на № 17 .	+							
64	описаніе № 3. . . .							—	
65	описаніе № 9. . . .		—						
66	описаніе № 10 . . .						+		
67	описаніе № 12 . . .					—		+	
68	описаніе шкаповъ № 15 и 17				—			—	
69	подробное описаніе прически дѣвочекъ .		+						
70(VI)	вторая дама		—						

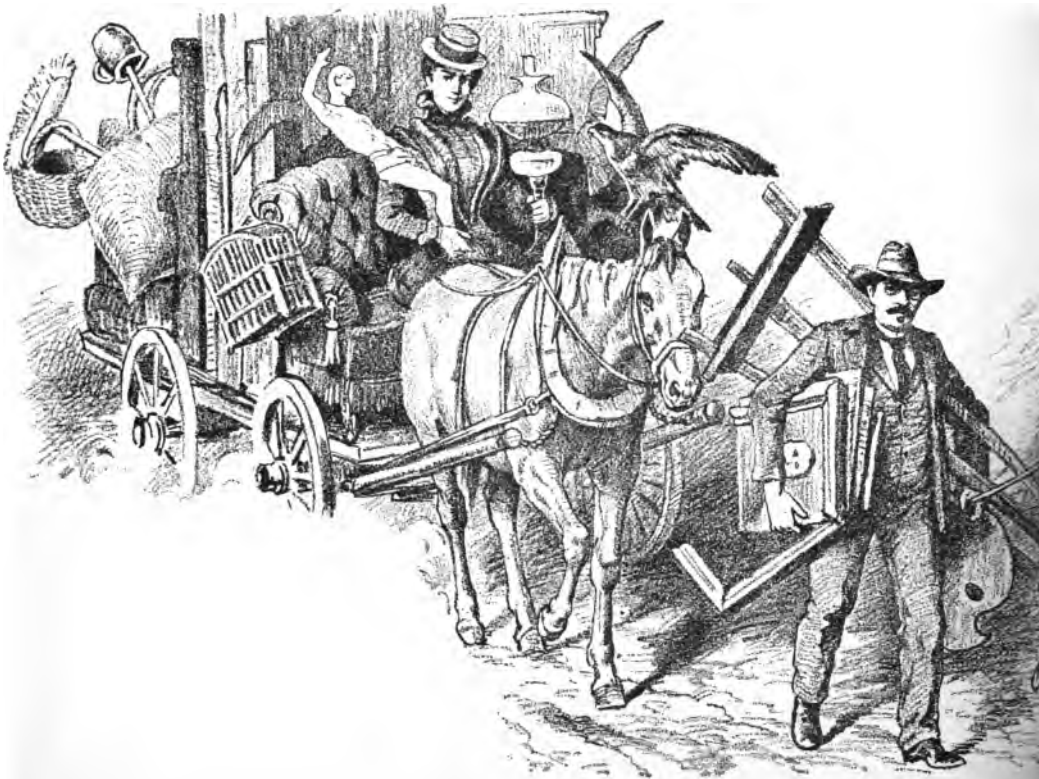
Даемъ наконецъ содержаніе тѣхъ ошибокъ, которыя не состоятъ только въ обратномъ съ дѣйствительностью признаніи или отрицаніи наличности предмета, лица или ихъ свойства.

Темы № 3: коверъ отожествляется съ медвѣжьею шкурою (IV, 5, 6. 8). № 5 были стулья и одно кресло качалка (5). № 6. 3 (II, IV, VII, 1, 3, 8), 6(2). № 7 одинаковаго всѣ (V, 1, 6, 7, 8), 3 одинаковыхъ, а одно обширнѣе (III, VI). № 10 низкій покрытый предметъ (3), этажерка (5,7) кушетка (IV). № 11. отрицаетъ книги (IV), ноты, бумага, книги и газеты (6). № 13. визитныя карточки (II, III, VI, 1, 5, 8). № 20 нѣсколько (1, 2, 3, 4, I); много (8) 5, 6 (III—V, VII, 7): 6 (II, VI, VIII, 6) не больше 5, 6 (5). № 27 зеркало стѣнное съ подставкою (III). № 29 короткое (1, 5, 7). № 32 не распущены (4, 7). № 33 лѣтъ 17, 18 (7) № 36 одной рукой облокотилась на піанино (5, VI) оперлась руками на піанино (I, II, III), сидитъ въ креслѣ (1, 2) вполоборота къ зрителю, оперлась рукою (6, 7, VIII); № 40б огато въ противоположность бѣдно одѣтой дамѣ (7, III, VI) № 43 не помнитъ у дамы на колѣняхъ или въ креслѣ (1), на колѣняхъ у матери (4) подперлась рукою (6), лицомъ къ зрителю (VIII) сидитъ въ креслѣ (II, V, VI, VII), спокойно сидитъ (IV) опрокинулась головой на спинку кресла (III). № 44 не распущены (4). № 45 темное (4) № 52 руки за голову (5), одною рукою придерживаетъ книгу (III), видна одна (6, II); № 57 ребенокъ ползаетъ на полу, ему года 2 (4). № 64 коверъ во всю комнату (7), № 65 вертящаяся (2), № 67 изъ двухъ чашекъ одна надъ другой (5); № 68 съ книгами (4), стеклянный (7). № 70 стоитъ у камина, одѣта въ темное платье (2).

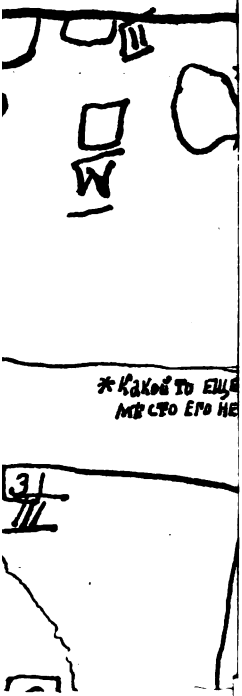
На прилагаемой наконецъ таблицѣ плановъ (обозначенія на ней см. стр. 46) планы судей даны fac simile, а планы свидѣтелей повторяютъ въ уменьшенномъ видѣ то, какъ размѣщали предметы и лицъ свидѣтели на доскѣ при началѣ допроса (ср. стр. 33). Этимъ объясняется неполнота нѣкоторыхъ плановъ свидѣтелей сравнительно съ таблицами ихъ показаній, напр. отсутствіе на планѣ № 4 этажерки, существованіе которой свидѣтель удостовѣрилъ только при дальнѣйшемъ допросѣ.



SALON 1901
RIKENS DANS L'ATELIER
S.I.P



20 S / N° 3.
SALON 1901
RUBENS. DANS L'ATELIER
S I P


II
W
* Какой то ещё
место его не
3
III